

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

ВОРОВСКАЯ ПРАВДА

Варяг

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Воровская правда

«ЭКСМО»

2003

Сухов Е. Е.

Воровская правда / Е. Е. Сухов — «Эксмо», 2003 — (Варяг)

ISBN 978-5-699-20820-3

Варяга круто подставили: мало того, что сдали ментам, так еще и отправили на самую суровую зону, издавна славящуюся жестоким режимом и беспредельщиками, готовыми любого, да хоть самого смотрящего России, посадить на заточку. С врагами на воле разберутся друзья, а вот за колючкой Варягу придется разбираться самому. Он твердо знает: тюрьма для вора – родной дом, и Варяг добьется, чтобы в этом доме царил порядок. Он врагов не выбирает, он их уничтожает...

ISBN 978-5-699-20820-3

© Сухов Е. Е., 2003

© Эксмо, 2003

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	26
Глава 5	34
Глава 6	39
Глава 7	47
Глава 8	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Евгений Сухов

Воровская правда

Часть I

ВЕЧНАЯ МЕРЗЛОТА

Глава 1

АРЕСТ ВАРЯГА

Черный «Мерседес» мощно вывернул с окружной на Ленинградское шоссе и на большой скорости устремился в Шереметьево.

– Вы надолго в Лондон, Владислав Геннадьевич? – спросил Тарантул, прервав затянувшуюся паузу. – Когда вас ожидать?

В присутствии смотрящего Константин Игоревич (Тарантул любил, чтобы подчиненные звали его именно так) чувствовал себя довольно скованно и напускной серьезностью старался скрыть обычно не свойственное ему смущение. В такие моменты ему не нравилось в себе многое, но особенно раздражали руки, их просто некуда было девать.

Ему очень хотелось скрестить руки на груди, по-хозяйски раскинуться на сиденье, а затем широким жестом извлечь пачку сигарет и, не обращая внимания на присутствующих, сладко задымить, не потрудившись опустить боковое стекло. Но вопрос заключался в том: а понравится ли законному подобная вольность? А потому Тарантулу ничего более не оставалось, как покорно держать руки на коленях, уподобившись смиренному ученику начальных классов.

– Нет, – отвечал Варяг. – Максимум на неделю! – Помолчав, добавил: – Что-то непонятное происходит с банковскими счетами, и меня это настораживает. Нужно разобраться на месте.

Варяг не стал распространяться по поводу того, что менты крепко сели ему на «хвост», разъяренные несколькими дерзкими акциями, проведенными не без участия смотрящего России. Этим не преминули воспользоваться и недруги Варяга, как скрытые, так и явные. Их, к сожалению, оказалось немало. Недовольные жесткостью и неуступчивостью смотрящего, когда дело касалось воровского общака, они любой ценой жаждали свести с ним счеты, а на его место поставить более покладистого человека.

В такой ситуации лучше было «залечь на дно», осмотреться и нанести несколько внезапных и точных ударов. Так же считал и Егор Сергеевич Нестеренко – человек, которого Варяг читил и к мнению которого всегда прислушивался. Его старый учитель не раз выручал Владислава то мудрым советом, то решительными и всегда неординарными действиями. Старик знал цену Варягу и всячески берег его. К сожалению, не всегда это удавалось – жизнь законного всегда висит на волоске, всего не предусмотритишь...

В этот раз Варяг отправился в аэропорт без машины сопровождения. На переднем сиденье только телохранитель, внимательно посматривающий в окно. Компактный «каштан» покоился на коленях, но этот парень слыл профессионалом. Тарантул пару раз был свидетелем того, как в сотую долю секунды тот открывал огонь на поражение. Впрочем, за такие деньги, какие телохранитель получал от Варяга, можно было бы научиться хватать летящие пули даже зубами.

Константин понимающе кивнул:

– Разумеется... Вы позвоните, как доберетесь на место?

– Да.

– Наши люди уже предупреждены. Они не оставят вас даже на минуту.

– Все это лишнее, – отмахнулся Варяг. – Обо мне никто не знает. Тем более что я лечу по фальшивой ксиве.

– Как знать, – пожал плечами начальник охраны. – В конторе умеют работать, уж я-то знаю!

Типовые городские здания сменились на подмосковный пейзаж: взрыхленные поля, редкие лесные посадки. Серый уверенно гнал «Мерседес», зная, что хозяин – большой любитель быстрой езды.

* * *

Курахин, старший лейтенант дорожно-постовой службы, направил радар на черный «Мерседес», мчавшийся по Ленинградскому шоссе, и нажал на кнопку. Невидимый луч, вырвавшись на свободу, ударился в лобовое стекло иномарки, и тотчас на табло высветилась скорость – сто шестьдесят километров в час!

Нехило!

Курахин сделал несколько торопливых шагов к шоссе. Он уже собирался взмахнуть жезлом, как сквозь треск из рации донесся встревоженный голос:

– Триста шестой!.. Триста шестой!.. Пропустить черный «Мерседес»!

Старший лейтенант отвернулся, и «Мерседес» промчался мимо на огромной скорости. Черт бы побрал всех этих крутых! Выдернуть бы нахалов из шикарной машины и мордой в грязь! Глядишь, спеси бы и поубавилось.

Тарантул беспокойно обернулся:

– Мне показалось, что он хотел остановить нас. Странно, однако... Чего-то он замешкался, будто бы чего-то испугался.

– Может, просто лень парню. Работы у него невпроворот. Намахался уже за целый день своей палкой. А еще люди в «Мерседесах» – народ очень нервный, особенно в черных, – скупно улыбнулся Варяг. – Серый, сбавь обороты, не хватало, чтобы нас еще тормознули за превышение скорости. Чего спешить, и так успеваем. – Водитель, угрюмого вида парень, лишь едва кивнул и погасил скорость. – Вот так оно лучше будет.

Тарантул недоверчиво покачал головой.

Вскоре впереди показалось здание аэропорта.

* * *

Невысокий мужчина в сером костюме, стоящий у входа в зал аэропорта, пристально взгляделся в подъехавший «Мерседес». Слегка отогнув ворот пиджака, он негромко произнес:

– Объект прибыл. Приступить к задержанию?

– Не сейчас, – тут же раздалась команда. – Объект хорошо подготовлен. Обладает звериным чутьем. Действовать по плану два. Пусть для начала почувствует себя в безопасности.

– Вас понял, – негромко ответил невысокий мужчина.

Двери «Мерседеса» открылись, и из салона почти одновременно вышли совсем молодой парень в просторной куртке и начальник службы безопасности, несколькими секундами позже появился Варяг. Под курткой парня слегка топорщился какой-то предмет. Если не приглядываться – незаметно, но любой мало-мальски сведущий специалист способен определить даже модель автомата – «каштан». В ближнем бою весьма толковая и серьезная вещь.

Телохранители взяли Варяга в тесную коробочку и двинулись к залу ожидания. Все очень профессионально, грамотно, не придраться.

«Топтун», стоящий метрах в двадцати от припаркованного «Мерседеса», слегка наклонил голову и произнес в прикрепленный к вороту микрофон:

– Готовность номер один... Действуем по плану два.

* * *

– Все, можете идти, – повернулся Варяг к Тарантулу. – Если бы что-то произошло, то это случилось бы раньше. – Улыбнувшись, он добавил: – Знаешь, когда инспектор вышел на дорогу, я подумал, что улететь мне сегодня не удастся.

Тарантул ответил такой же расслабленной улыбкой. Нечто подобное он испытал и сам.

– Я тоже, – сдержанно признался он.

Варяг держал в руке небольшой легкий кейс – в этот раз он решил не обременять себя багажом, благо что поездка не должна особенно затянуться. Ему предстояло лететь частным чартерным рейсом в Лондон. В левом внутреннем кармане пиджака у него лежал паспорт и авиабилет на имя Матвея Герасимовича Кубасова, главного инженера Челябинского литейного комбината. А настоящий Матвей Герасимович в это самое время догуливал очередной отпуск на Полярном Урале – увлеченно ловил хариусов на порожистой реке, куда его сманил сослуживец, заядлый рыбак. Раньше чем через полмесяца он не вернется. Это точно! При необходимости главного инженера можно будет задержать и на больший срок, благо что единственным средством сообщения в заполярной зоне служили вертолеты местного авиаотряда. И, разумеется, Кубасов даже не догадывался о предстоящем заграничном вояже своего «двойника».

У входа в специальный зал бизнес-рейсов стояла бдительная охрана. Что ж, все разумно, времена нынче беспокойные. Варяг уверенно протянул паспорт и посадочный талон и, дождавшись одобрительного кивка, прошел внутрь. До регистрации рейса оставалось минут двадцать – вполне достаточно, чтобы не спеша выпить чашку кофе. Владислав положил кейс на кожаное кресло и направился к стойке бара.

– Молодой человек, это не ваш «дипломат»? – неожиданно услышал Варяг над самым ухом.

Владислав не успел заметить человека, подошедшего сзади, но по вибрирующим ноткам в его голосе нутром почувствовал грозящую опасность.

Развернувшись, Варяг увидел растопыренную ладонь, готовую вцепиться ему в волосы. Владислав резко отвел голову в сторону и коротким точным ударом саданул верзилу под дых. Тот неловко переломился надвое и стал нервно заглатывать воздух, точно рыба, выброшенная на сушу. Откуда-то сбоку вынырнул второй, такой же мощный и квадратный. Сильным ударом в подбородок Варяг опрокинул его на стойку. Раздался звон разбитой посуды и следом яростное чертыхание бармена. Кто-то стал хватать Варяга за полы пиджака, но он, отчаянно вырываясь, тараном устремился к выходу.

Прямо перед собой он увидел крупного мужчину, загородившего ему проход. Варяг сделал ложный выпад корпусом и, уловив секундное замешательство противника, коротким и точным ударом левой руки сбил его с ног. Мужчина обмякшим глиняным колоссом упал на подвернувшийся кожаный диван. Раздался грохот опрокинутой мебели, но его перекрыл истошный женский вопль.

До свободы оставалось всего лишь несколько шагов, когда чей-то громкий и отчаянный крик зло предупредил Варяга:

– Стоять!! Буду стрелять!

Варяг повернулся и увидел недалеко от двери женщину. Обхватив рукоять пистолета обеими руками, она направляла ствол «макарова» прямо ему в голову. Стерва драная! Мужика на нее не найдется стоящего. Такая нажмет на курок, даже не задумываясь. Собственно, ей абсолютно безразлично, кому она снесет башку.

А еще через секунду кто-то крепко навалился Владиславу на плечи, опрокинул его на пол, вжал лицом в пол и, немилосердно выворачивая суставы, защелкнул на запястьях тугие «браслеты».

– Вот так-то, – миролюбиво проговорил мужчина невысокого роста. – А теперь поднимите его и в машину!

Глава 2 ВОР МУЛЛА

Самым старым зэком на зоне был вор Заки Зайдулла с необычным для уголовного мира погонялом – Мулла. О себе он рассказывал, что происходит из знатного рода казанских карачи и что будто бы в его жилах течет капля крови самого великого Чингисхана. Мулла был ярым мусульманином, и даже тюремный режим не сумел отвадить его от обычного намаза и пятиразовой молитвы. А когда он выходил из барака, то не забывал упомянуть имени Всевышнего:

– «Выхожу из дома с именем Аллаха на устах и вверяю себя ему. Нет никого сильнее и могущественнее его. Нет никого, кто был бы так свободен от недостатков, надеюсь только на его помощь!»

Старик не раз говорил, что его истинное призвание – быть муллой. И отец его, и дед, и даже прадед – все были священнослужителями. Возможно, и он легкой походкой зашагал бы по избранному пути и не было бы для него большей благодати, чем нарекать новорожденных божественными именами, а усопшего отправлять в последнее пристанище, сложись судьба несколько иначе. И если бы не проделки злого шайтана, то он прожил бы свой долгий век в святости и согласии с самим собой.

Вдобавок Заки вдруг решил, что последние пять лет особенно грешил перед Аллахом, а потому, кроме обязательных пяти молитв, читал еще одну, в которой истово каялся в содеянном и просил Всевышнего уберечь его от соблазнов и козней шайтана.

Для молодых зэков, пришедших с малолетки, он казался почти ископаемым или по крайней мере очень странным зэком. Ну, например, зачем здороваться по несколько раз в день с человеком, которого ты уже видел, или так уж обязательно мыть уши и нос, чтобы прочитать обыкновенную молитву?

Однако открыто подсмеиваться над стариком никто не смел. Внушал уважение его сорокапятилетний срок, который он провел в лагерях и колониях. А также и то обстоятельство, что он был одним из первых коронованных воров России и сумел взрастить не одно поколение законных. Даже такие крупные авторитеты уголовного мира, как Ангел и Дядя Вася, гордились, что Мулла давал им рекомендацию в законные.

Заки Зайдулла не представлял себе иной жизни, чем заключение, а распахнутые ворота тюрьмы больше пугали его, чем радовали. За колючей проволокой он умудрился просидеть три войны, пересидел несколько крупных военных конфликтов, здесь он хоронил прежних правителей России и приветствовал новых. И волю, собственно, знал только по рассказам недавно осужденных и по книгам, которые проглатывал, словно язвенник пилюли.

Несколько раз он умудрился попасть под амнистию, и тюремному начальству едва ли не силком приходилось выдвигать его из колонии. Но на воле он гулял совсем недолго и уже через месяц возвращался к размеренной и привычной жизни российского зэка. Случилось однажды и такое, что он вернулся в тюрьму уже через полтора часа после освобождения, когда на глазах у десятка свидетелей вытащил кошелек с мелочью у нерасторопной бабули.

Кражи он совершал преднамеренно, всерьез тоскуя о скупой арестантской пайке, и неизменно радовался, не забывая при этом возносить хвалу Аллаху, что вновь попал под надзор строгого караула.

Только за решеткой, по его мнению, и была настоящая жизнь. Все остальное – суррогат!

А более благородной смерти, чем на шконке, он себе не представлял. Хуже нет, умирать где-нибудь на грязном вокзале под безразличными взглядами бродяг, которых Заки презирал всю жизнь.

Начальство хоть и не повелит обмыть, но уж в саван обязательно укроет, а большего правоверному и не полагается.

Несмотря на благостный, даже кроткий вид, Мулла был очень крепким и закаленным вором, которого не сумела сломать сталинская диктатура, не размолотил грозный КГБ и кумы всех мастей. А нынешние мальчишки в сравнении с монстрами прошедшей эпохи казались ему и вовсе беззубыми. Заки Зайдулла сумел пережить в лагерях сучью войну, несколько больших восстаний, а с десятков раз и сам организовывал крупные бунты и «размораживал» зоны. Мулла был неоднократно колот и пытан властями, но ни разу не был унижен и бит. А это обстоятельство позволяло ему великодушно относиться не только к молоденьким заключенным, стремившимся к злобному самоутверждению перед равными, но даже к начальникам колоний и кумовьям, загнанным бы и от сотой доли тех испытаний, что выпали на его гладковыбритую голову.

Мулла был одной из живых легенд Сибири, неуязвимым символом многочисленных таежных зон, своеобразным их талисманом. Уже не одно поколение воров сошло в могилу, а он, словно само бессмертие, продолжал поражать соседей-зэков своим неиссякающим оптимизмом.

Мулла знал практически всех известных воров последних десятилетий. С некоторыми из них он сидел в лагерях, с другими сталкивался на пересылках, с третьими сживал в хатах и делился скупой хозяйской пайкой. Мулла был реликтовым осколком давно ушедшей эпохи, он продолжал хранить чистоту воровских традиций так же бережно, как иной пустынный чистоту святого колодца. Ради воровской идеи он готов был сцепиться со всем остальным миром, который думал иначе, чем он. Такая схватка была для него сродни войне за веру. А потому вступал он в нее с именем Аллаха, что придавало ему еще большее бесстрашие и силу. Мулла был глубоко убежден, что если ему придется все-таки погибнуть в этом сражении, то душа его непременно обретет покой и поселится в раю. И умрет он как святой – без мучений и даже с улыбкой.

Мулла никогда не признавал компромиссов, не терпел серого цвета, предпочитая делить все на белое и черное. Точно так же он делил все человечество на людей и врагов. С последними Мулла всегда расправлялся безжалостно и готов был заполнить их трупами все отхожие места.

На зонах до сих пор вспоминают случай, когда он стал инициатором бунта в одной из сибирских колоний, когда одному из заключенных отказали в обещанном свидании с женой. Зона была «разморожена». Один из офицеров охраны в поднявшемся бунте был убит, а с десяток активистов заколоты заточками. Совсем невероятным выглядело зрелище, когда Мулла – семидесятилетний старец, не уступая в злобе молодым, полным силы быкам, с невиданной для своего возраста неистовостью свирепо набрасывался на солдат срочной службы.

Тогда Мулле добавили срок, и вместо трех лет за кражу он должен был отсидеть еще пятнадцать за участие в убийстве. А это уже было похоже на пожизненное заключение. Подобное решение суда вызвало у Заки лишь довольную улыбку – лучшей доли он для себя не желал. Уж коли придется помирать на нарах, то наверняка отыщется пара заботливых рук, что развернут его лицом в сторону Каабы да подложат под голову что-нибудь мягкое.

Добавление срока для него было не самое страшное наказание – хуже всего было то, что его переправили из воровской зоны в сучью, да не куда-нибудь, а к самому подполковнику Беспалому. Воры всего Севера его учреждение называли «плавилкой», потому что после отсидки у Беспалого даже самый стойкий человеческий материал превращался в шлак. Человек выходил с этой зоны навсегда сломленным и забитым.

* * *

Подполковник Беспалый Александр Тимофеевич решил лично взглянуть на прославленного вора. Разговор состоялся в его кабинете.

– Так ты и есть тот самый Мулла? – недоверчиво спросил кум, с любопытством разглядывая тщедушного старика.

Невозможно было поверить, что этот старикашка сумел подмять солдата-здоровяка, разоружить дежурного прапорщика и проткнуть заточкой старлея из оперативной части, когда тот с пистолетом в руках перегородил ему выход из локалки.

Мулла только хмыкнул:

– Тот самый. А кого ты хотел увидеть? Джинна, что ли, из бутылки?

– Я думал, что увижу двухметрового детину, который лбом сшибает балки, – не скрыл своего разочарования подполковник. – А передо мной сидит сморчок-лесовичок... Как же тебе удалось справиться с тремя дюжими парнями?

– Аллах помог, – кротко отвечал Мулла.

Подполковник Беспалый знал, что Мулла был одним из старейших воров в законе. Вот только говорили о нем разное: не то он сошелся с ссученными ворами, за что был лишен короны; не то сам сложил с себя воровской венец в знак несогласия с политикой нынешних воров в законе.

Подполковник улыбнулся:

– У нас так говорят: на бога надейся, а сам не плошай!

– Тоже верно, – хмуро согласился Заки.

– Мулла, про тебя разное говорят, даже не знаю где правда, а где ложь.

– Это тоже объяснимо, гражданин начальник, – достойно отвечал Зайдулла. – Я слишком долго живу на этом свете, а потому и говорят обо мне много разного.

– Не обидишься на меня, если я задам тебе один вопрос?

Александр Тимофеевич умел привечать: на столе возвышалась распечатанная бутылка водки, тонко нарезанная селедка благоухала чесночным ароматом, а отваренная картошка дышала горячим паром. В огромной тарелке остывали три дюжины сибирских пельменей – любимое блюдо старого вора.

Заки Зайдулла не смотрел на сервированные тарелки – еда его не интересовала, из рук хозяина он мог принять только скудную пайку.

– Задавай, гражданин начальник, – великодушно согласился старый вор. – Если вопрос глупый... так на глупость обижаться грех, Аллах не велит. А есть такие вопросы, которые могут добавить мудрости. Спасибо тебе не скажу, не положено... но на ус намотаю.

– Ты, я вижу, сам большой мудрец, Мулла, и разумом тебя бог не обделил. Угощайся пельменями.

– В них мясо свиное, а свинья – поганое животное, – не скрыл улыбки старый вор.

Мулла в очередной раз отверг предложение подполковника отобедать с ним за одним столом. Не дождавшись, когда коронованный вольет в себя первую стопку, Беспалый решил начать с душистой селедочки. Он аккуратно подцепил вилкой небольшой кусок и бодро проглотил его.

– А правду говорят, что ты уже лет двадцать, как не законный вор?

– Хм... Вот что тебя интересует. На этот вопрос тебе лучше ответит твой отец.

Александр Беспалый отложил в сторонку вилку.

– Ты знаком с моим отцом? – удивленно протянул он.

На губах Муллы появилась кривая улыбка:

– Как же мне не знать Тишку Беспалого, если мы с ним столько лет знакомы, чалились в одном лагере? Он был таким же законным вором, как и я... Чего ты на меня так уставился? Или он тебе не рассказывал о Мулле? Вот оно что... Понимаю. А ведь когда-то мы с ним были большими приятелями.

Подполковник Беспалый потерял интерес к пище, он даже отодвинул от себя тарелку и произнес, чуть повышая голос:

– Чего ты мелешь, Мулла?! Быть такого не может!

Старик оставался невозмутим.

– Ты, я вижу, гражданин начальник, аппетит потерял. Ты бы водочкой селедку запил, тогда все в норму придет. – Неожиданно Мулла нахмурился: – А ты спроси у Тишки, где он свой мизинец на левой руке оставил? Уж не от этого ли пошла фамилия Беспалый?!

Подполковник слегка побледнел:

– Откуда тебе известно... про палец?

– Я много чего знаю. Знаю и о том, что мальцом он рос без фамилии, а когда спрашивали его, откуда он родом, то отвечал, что из села Грязнушки!

Александр Беспалый пил редко. Он взял себе за правило не пить на работе вообще. Многие сослуживцы и вовсе считали его убежденным трезвенником. И остерегались показываться ему на глаза под хмельком, зная, что за пьяные вольности он мог понизить в должности. Однако в его сейфе всегда стояли хорошие напитки, которые он держал для особого случая. Кажется, такой случай настал.

Беспалый поднялся, достал из кармана ключ и отворил тяжелую дверцу сейфа.

– Будешь? – извлек он из темного нутра красивую высокую бутылку. – Французский коньяк. Такой вещью я угощаю проверяющих из центра, но для тебя не жаль.

Сейчас тон Беспалого был другим, подполковник почти просил составить ему компанию, и эту перемену в голосе начальника колонии старый вор почувствовал мгновенно.

– Хорошо... Налей! – после некоторого раздумья согласился Мулла. – Думаю, что Аллах меня поймет и не осудит.

Александр Тимофеевич достал из шкафа два стакана и принялся уверенно разливать темную коричневую жидкость. Тоненькая струйка выглядела почти живой – она не только весело журчала, заставляя наполняться радостью сердце старого зэка, но и переливалась озорными искорками.

– Все правильно, Мулла, тебя никто не осудит... Разве отказываются от угощения, когда оно идет от чистого сердца?

Ладонь хозяина неожиданно дрогнула, и французский коньяк оставил на скатерти темное пятно.

Действительно, на левой руке у отца отсутствовало два пальца. В детстве Сашка постоянно спрашивал у него, где же тот оставил свои пальцы, и отец, прижимая к себе несмышленьша, отшучивался, говоря, что их откусила собачка. Позже Сашка начал понимать, что здесь присутствовала какая-то тайна, впустить в которую отец не желал даже собственного сына. И вот сейчас Александр сумел прикоснуться к ней через старого зэка, который знал его отца куда лучше, чем он сам.

Выпили молча, будто бы на помин души. Мулла, не привыкший к спиртным изыскам, неожиданно закашлялся.

– А ведь я спрошу у него... Обязательно! Еще раз... – негромко произнес Беспалый.

Мулла поставил пустой стакан на стол и едко ответил:

– Мне было бы любопытно узнать, что скажет на это Тишка. А сейчас мне надо идти, гражданин начальник, не в моих правилах улаживать администрацию разговорами. Если я останусь у тебя еще на часок, то кое-кому это даст повод усомниться в моей правильности. Околачиваться в кабинете у хозяина пристало только ссученному! – неожиданно сверкнул он темными глазами.

– Дело твое, Мулла... Сержант! – крикнул Беспалый.

На его окрик вошел могучий детина. Сержант тупо уставился на созвездие звездочек на яркой наклейке и бодро отозвался:

– Слушаю, товарищ подполковник!

Подполковник невесело хмыкнул – создавалось впечатление, что служивый обращался к наполовину выпитой бутылке. До дембеля парню оставалось полгода, и он думал о том, что на гражданке будет хавать только селедку с картошкой, а пить станет именно дорогой коньяк.

Блажен, кто верует!

– Локалка сейчас заперта. Проводи Муллу до барака.

* * *

Тимофей Беспалый вышел на пенсию двадцать лет назад. Теперь в нем невозможно было узнать прежнего начальника колонии, от одного движения бровей которого у заключенных от страха поднимались на затылке волосы. Теперь он был тих, улыбчив, любезен со всеми, по утрам кормил голубей раскисшим хлебом и нежно гладил по макушкам соседских ребятишек. Он умело наслаждался каждым дарованным ему днем, и создавалось впечатление, что его предыдущая жизнь была всего лишь затянувшимся предисловием к настоящему покою.

Тимофею уже перевалило за восьмой десяток, однако выглядел он лет на шестьдесят. В поселке упорно поговаривали, что он не лишен еще мужицкой силы и частенько по вечерам захаживает к буфетчице автовокзала, сорокалетней разбитной бабе, потерявшей три года назад мужа.

Несмотря на заслуженный отдых, Беспалый не менял привычного режима: рано вставал, поздно ложился и продолжал баловаться железом, выжимая двухпудовые гири.

Единственное, чего ему не хватало, так это присутствия сына, который сутками пропадал в колонии, как будто бы сам отбывал срок. Тимофей Беспалый любил сына, и это чувство не угасло в нем даже с повзрослением Александра. Более того, привязанность к сыну переросла в некую страсть, и если он не видел Александра хотя бы сутки, то начинал глубоко страдать. Александр, зная, что после смерти матери отец остался абсолютно одинок, старался навещать его как можно чаще. Иногда он даже жил у отца по нескольку дней. В подобные минуты старый Тимофей разительно менялся: молодец, становился шаловлив и в своих чудачествах делался похожим на шестнадцатилетнего подростка. Когда время подходило к расставанию, старший Беспалый напоминал капризного ребенка, у которого отобрали любимую игрушку.

В этот день Александр пришел неожиданно рано.

Он едва кивнул отцу и, не разуваясь, прошел в комнату.

– Отец, – устроился Александр в мягком удобном кресле, крепко обхватив широкими ладонями подлокотники. Под пальцами он ощутил шероховатую поверхность дорогого материала. – Ты мне никогда не рассказывал о своей прошлой жизни. А ведь она у тебя очень интересная!

– Что ты имеешь в виду? – сразу насторожился Беспалый-старший.

Александр выдержал паузу и спросил:

– Ты знаешь такого вора по прозвищу Мулла?

Беспалый кашлянул и произнес:

– Это который в мечети, что ли?

– Нет, отец, это один старый экз. Он сказал мне, что когда-то вы были дружны и будто ты сам был в законе.

Тимофей Егорович мгновенно постарел. Сейчас он выглядел глубоким стариком, разбитым множеством болезней.

– Муллу я знаю лет семьдесят, – наконец заговорил старик. – Да, действительно, он прав, когда-то мы с ним были большими друзьями. Вместе беспризорничали. Тяжкое было время! Или ты думаешь, что я все время был полковником и начальником колонии? Мне тоже пришлось хлебнуть лиха... Вот так! – чиркнул он большим пальцем по горлу. – Мне с малолетства приходилось воровать, так что я знаю не понаслышке, что такое залезть в чужой карман.

– Неужели это правда, что ты был вором в законе?

– Это тебе тоже сказал Заки? – подозрительно скосил взгляд на сына старший Беспалый.

– Да.

– Вот оно что... Заки решил достать меня с другой стороны. Это ему удалось! Я действительно был законником и стал вором куда раньше, чем Мулла. Блатному миру я сначала был известен не как полковник Беспалый Тимофей Егорович, а как карманник Удача! И знаешь, почему меня так нарекли?

– Нет.

– За быстроту и ловкость пальцев, – произнес Тимофей Егорович почти с гордостью. – Никто искуснее меня не мог вытащить кошелек. Ты чего кривишься?! Ты думаешь, это так просто?

Александр пожал плечами. Он никогда не видел своего отца таким воодушевленным. Рассказывая о своих юношеских подвигах, тот снова помолодел – откровения, на которые вызвал его взрослый сын, на несколько минут вернули его в то далекое время, когда он был молод и полон сил. Александр почувствовал, что отец даже благодарен ему за этот допрос и своими признаниями невольно облегчал душу.

– Все нет.

– Это искусство! Так вот, в своем деле я был настоящим художником. Я мог снять часы у человека в тот момент, когда он давал мне прикурить. Это за две-три секунды! Вообще, в наше время карманник был не тот, что сейчас. Его уважали! Считалось, что он имеет в своих руках хорошую воровскую профессию. Тебе даже трудно представить, какие в мое время были карманники. За одно мгновение они могли извлечь кошелек из самого бездонного кармана, показать нам, пацанам, сколько в нем денег, а потом так же незаметно положить его обратно. Обучаться у известного карманника считалось большой честью, потому что брали они к себе в ученики далеко не всех, а только самых одаренных, у которых пальцы были такие же чувствительные, как у скрипача-виртуоза. Хороший карманник на ощупь мог определить купюры любого достоинства. Порой казалось, что на подушечках пальцев у них глаза. Вот такие были мастера. В голосе Беспалого-старшего Александр уловил нотку грусти. – А Мулла, значит, по-прежнему ворует? – В этот раз в интонации отца Александр обнаружил участливые нотки, что совсем не было похоже на Беспалого-старшего.

– Ворует, – негромко подтвердил Беспалый-младший, – только это какое-то странное воровство. Крадет на виду у толпы кошелек с мелочью, а когда его ловят за руку, то даже не делает попытки скрыться и безропотно дает увести себя в милицию.

– Вижу, что тебя это смущает, – усмехнулся Тимофей Егорович. – Так вот я тебе скажу, что Заки Зайдулла такой вор, какие рождаются только раз в сто лет. Даже мне, а я в этом деле достиг наивысшего мастерства, – Беспалый-младший вновь услышал в его голосе скрытую гордость, – и то до него далеко. Неужели ты думаешь, что он не сумел бы избавиться от этого кошелька? Значит, так нужно! А воровал он на глазах свидетелей для того, чтобы снова угодить на зону. Он вор в законе, и для него тюрьма родной дом. Насколько я знаю, у него и детей-то нет? – вопросительно посмотрел он на сына.

– Нам ничего не известно.

– Ну, вот видишь! Воровская семья для него все. Такие, как Заки Зайдулла, отдают себя воровскому братству без остатка. И если потребуется, то они сожгут себя, чтобы остальным ворами жилось легче. Такие, как Мулла, – апостолы, на них равняются, им подражают. Ты знаешь, как Сталин предлагал поступать с ворами в законе? – неожиданно спросил Тимофей Егорович.

– И как же?

– Расстреливать! Без суда и следствия... По собственному опыту знаю, что это вряд ли помогло бы. И знаешь почему?

Александр скинул с себя китель, аккуратно повесил его на спинку стула. Он почти с раздражением посмотрел на две больших звезды на погонах. Его отец в это время уже пять

лет, как был полковником! Да-с... И теперь, когда отец чуток приоткрыл завесу над своей таинственной биографией, он еще больше удивился его стремительному росту.

Звание полковника Александру Беспалому обещали дать еще в прошлом году, после того как он по достоинству сумел принять московскую комиссию. Высокому начальству он организовал такую небывалую охоту, какой они не видели даже в своих цивильных заповедниках: каждый из них увез по центнеру лосиного мяса. Среди них был один генерал-лейтенант – любитель остренького, – который пожелал поохотиться на медведя. Пришлось внять и этой прихоти. Медведя сначала изловили, после чего поместили в клетку, а потом под командой лихого прапорщика целая рота солдат гнала зверя прямо к вышке, на которой устроился генерал.

В результате общих усилий генерал привез в Москву медвежью шкуру.

Имелась и еще одна причина, которая заставляла Беспалого с оптимизмом думать о полковничьих погонах, – в колонии, где он барствовал, сидел племянник того самого генерала-медвежатника. Срок у парня был немалый – шесть лет. Вместе со своими приятелями он избил случайного прохожего, который вскоре скончался в больнице.

Год он успел отсидеть на малолетке, а потом его перевели во «взросляк». Александр Беспалый обещал не теснить парня и оформить ему условно-досрочное освобождение. Помня о высоком покровителе молодого заключенного, Беспалый не однажды закрывал глаза на его вспыльчивый характер и очень серьезные нарушения: однажды на одного из зэков был опрокинут штабель леса, и тот едва не погиб. Александр Беспалый через своих людей узнал, что в этом деле замешан племянничек генерала. В другой раз тот ткнул заточкой заключенного во время спора (видите ли, аргументов не нашел!), и только немедленное вмешательство врачей сумело уберечь раненого от летального исхода.

Подполковник Беспалый подумал, что нужно будет поздравить генерал-лейтенанта с грядущим юбилеем, и если он не поймет намека, тогда придется существенно добавить срок его родственничку, который тот давно заслужил.

– Почему, отец?

– Есть в христианстве такое понятие, как великомученики, это те люди, которые погибли за веру. Так вот, если перестрелять всех воров в законе, так они сразу приобретут ореол мучеников. И во всех зонах России у них мгновенно отыщутся тысячи последователей. Поверь мне, я слишком хорошо знаю породу этих людей.

– Отец, ответь мне еще на один вопрос.

– Спрашивай!

– Когда ты потерял пальцы на левой руке?

Тимофей Егорович нахмурился, он даже не пытался скрыть, что вопрос ему неприятен. Сын невольно затронул одну из самых чувствительных струн его души, которая болезненно зазвенела.

– Мулла тебе велел о пальце спросить?

Александр не стал лукавить:

– Да.

– Ты мне можешь сделать одолжение?

– Для тебя все, что угодно, отец.

– Я хочу поговорить с Муллой. Устрой мне встречу с ним.

– Понимаю... Сделаю!

Глава 3 ПОСЛЕДНИЙ ВЫСТРЕЛ

Тимофей Егорович Беспалый проработал в Печорской колонии без малого пятнадцать лет. При нем строились новые бараки, вышки, ограда, при нем зона превратилась в крепкую цитадель, способную выдержать многомесячную осаду. На ее территории ему были знакомы каждый столб, каждая доска, даже колючая проволока была протянута в том месте, где он указал. Беспалый-старший никогда не думал, что ему придется входить в зону в качестве посетителя.

– Пойдем ко мне в кабинет. Там ты почувствуешь себя увереннее. – Александр повел отца по длинному коридору, по которому гулко раскатывалось эхо шагов. – Насколько мне известно, это был и твой кабинет. – Он распахнул перед Тимофеем Егоровичем тяжелую металлическую дверь.

Беспалый-старший на мгновение остановился на пороге.

– Нет... Мой кабинет находился через комнату, – отозвался он каким-то глухим голосом.

Но и это помещение ему было хорошо знакомо. Три года подряд он являлся сюда каждый месяц в первый понедельник. Садился за стол и терпеливо дожидался, когда из коридора смертников приведут очередного заключенного.

Ждать приходилось, как правило, недолго: ровно в двенадцать часов дверь открывалась, и в сопровождении трех сверхсрочников и офицера сюда приводили «полосатика». Тимофей Егорович был палачом и приводил в исполнение смертные приговоры. Его всегда поражало, что смертники уходили покорно, без борьбы. Только через много лет он осознал, что в этом не было ничего странного. Каждый из них уже давно смирился с грядущей вечностью и исполнение приговора воспринимал как освобождение.

* * *

...Последний свой выстрел Тимофей Егорович помнил так отчетливо, как будто он был произведен не много лет назад, а вчерашним вечером. По случаю предстоящего увольнения он тогда облачился в парадную форму и прикрутил ордена на парадный китель.

Смертников в его колонию привозили со всего Союза. Среди заключенных она пользовалась дурной славой. И прежде чем переступить порог казенного заведения, кто-то трижды крестился, а кто-то тихо читал молитву, стараясь уберечься от беды. Некоторым это помогало.

Смертники занимали длинную вереницу камер в подвале административного корпуса, где всегда царил неестественная глухая тишина. Присутствие близкой смерти действовало на всех угнетающе, и даже контролеры, которые, казалось, должны были бы привыкнуть к еженедельным казням, общались между собой вполголоса.

Тимофей Беспалый три года совмещал обязанности начальника лагеря и палача.

До него приговоры приводил в исполнение двадцатисемилетний старшина, который уже на четвертый год службы возомнил себя карающей божьей десницей и не всегда здоровался даже с начальником лагеря. За кружкой пива он любил рассказывать о последних откровениях обреченных. Однажды, крепко перепившись, старшина принялся палить по воронам, что темной тучей летали над караульными вышками. Ему, видите ли, показалось, что это души убиенных, вознамерившиеся преследовать его.

О второй должности Беспалова знал весьма ограниченный круг лиц, с каждого из них была взята подписка о неразглашении государственной тайны. Даже супруга Беспалова, тихая сердечная женщина, не подозревала, по какой причине ее муж, задерживаясь по понедельни-

кам на службе, домой является таким усталым и едва ли не с порога выпивает полный стакан водки.

Возможно, Тимофей Егорович сумел бы отвертеться от смежной «профессии», не вмешайся в это дело замполит, который считал, что подобное задание есть высшее доверие партии и настоящий партиец не вправе отказываться от него.

Тимофей Егорович по возможности старался не встречаться заранее со своими клиентами, даже не всегда прочитывал их дела, но непременно перед каждой акцией выпивал для поддержания духа рюмку водки.

В тот день Беспалый тоже не пожелал изменить установившейся традиции и из тяжелого граненого графина налил себе против обыкновения полный стакан. Он посмотрел на часы: через шесть минут должны были привести смертника. На столе лежала толстая папка с его делом, однако знакомиться с «послужным списком» приговоренного Тимофею Егоровичу не хотелось. Беспалый слышал о том, что другие исполнители сознательно прочитывают дела приговоренных, чтобы разжечь в своей душе ненависть. Беспалый не нуждался в этом: он знал, что за каждым из смертников всегда тянется длинный шлейф кровавых преступлений и что сам он всего лишь карающая десница судьбы, которая должна поставить крест на никчемной жизни осужденного.

Тимофей Егорович выпил. Закусывать хмельное зелье не стал – взял с тарелки тоненький ломтик солененького огурчика и громко вдохнул в себя ядреный дух. Потом выдвинул ящик стола, в котором лежал черный с полированной рукоятью «макаров», и стал ждать.

Через несколько минут дверь отворилась, и охранники ввели в комнату пожилого художавого мужчину. Черты его лица показались Беспалому знакомыми, а когда тот заговорил, полковник понял, что перед ним был не кто иной, как старый знакомый – вор-рецидивист Шельма.

– Здравствуй, гражданин начальник! Неужели не признал бывшего кореша?

Настоящее имя Шельмы было Афанасий, фамилия – Степанов. Он, как и Беспалый, тоже был из беспризорников и тоже когда-то состоял в кодле Муллы, которая потрошила карманы граждан на толкучках и рынках. Афанасий был старше Беспалого на два года и, прежде чем они познакомились, уже успел отсидеть шесть месяцев в колонии, где сошелся с матерыми уркаганам и перенял у них многие секреты воровского ремесла. Шельма был удачлив, как воровской бог, и хитроумен, как голодная лисица. Собственно, за это он и получил свое погоняло. Отчаянности ему было тоже не занимать, он тырил не только засаленные потертые кошельки с мелочью, но и золотишко в ювелирных магазинах. С Шельмой всегда было легко, он умел не унывать, знал огромное количество блатных песен и частенько в развлечение себе и на потеху базарной толпе исполнял под гитару воровской репертуар. А Мулла и Тишка, не теряя между тем времени, собирали в карманах зевак, ошарашенных звонкоголосым пением безымянного артиста, легкие рублики.

Вот такой существовал у них подряд.

– Шельма? – удивился Тимофей Егорович.

– А то кто же? Вижу, что не сразу меня признал. А я ведь чувствовал, что нам еще придется встретиться. Вот, значит, как свидеться довелось.

– Капитонов! – обратился Беспалый к старшему караула. – Выведи свою команду.

– Товарищ полковник... так это же... не положено по инструкции. Приговор...

– Я кому сказал – выйди вон! – Кулак полковника грозно стукнул по столу.

Старший лейтенант Капитонов никогда не видел начальника колонии таким рассерженным. Даже во время прошлогоднего бунта эков он казался куда более сдержанным.

– Есть! – Капитонов пожал плечами и вышел, увлекая за собой в открытую дверь подчиненных.

– Встретились... Жаль, что таким образом. За что же тебя под вышак подвели? Ведь ты же вор, а не мокрушник.

– А ты что, Тимошка, дело мое не читал? – сощурился Шельма.

– Признаюсь, не читал, – сказал Беспалый, усмехнувшись, добавил: – Чтобы потом не жалеть, в кого стрелять придется.

– Хм... Так, стало быть, ты – палач?

– Да.

– Ты меня как – сразу пришьешь или все-таки стульчик предложишь? – невесело съехидничал вор.

– Садись, – Беспалый показал на единственный стул, стоявший у стены.

– Ну, спасибо! Ты всегда был гостеприимным. – Шельма охотно опустился на привинченный стул. – Спрашиваешь, за что под вышку попал? У государства стибрил больше, чем нужно. А оно такие шалости не прощает.

– Это точно, – согласился Тимофей Егорович. – И что же именно?

Шельма невесело улыбнулся:

– Ювелирный магазин подломили. Трое нас было, да я один там свои пальчики умудрился оставить. Вот потому и взял все на себя. А двое подельничков в Москве гуляют. Сейчас, наверное, в «Метрополе» обедают.

– Понимаю...

– Когда же мы с тобой виделись в последний раз? Лет пятнадцать назад?

– Нет. Четырнадцать.

– Тогда ты был подполковником.

– Ошибаешься, Шельма, полковником.

– Ловко ты с нами тогда расправился. Никто не ожидал от тебя такой прыти. Из полутора тысяч воров только десятка два и осталось. А меня и Муллу ты тогда пожалел. Если бы не ты, не копить бы мне небо еще четырнадцать годков. Спасибо говорить не стану, ты тогда свой должок мне возвращал. Не позабыл?

– Как же можно, Шельма? – искренне удивился Тимофей Беспалый. – Такое не забывается.

Он слегка выдвинул ящик стола и увидел заряженный «макаров». После чего так же незаметно задвинул ящик.

Афанасий три года отсидел вместо Беспалого, когда тот по неосторожности был уличен в карманной краже. В долю секунды Шельма незаметно выхватил у него из рук засвеченный кошелек и быстро сунул его себе в карман. Тогда только вмешательство подоспевшего наряда милиции спасло Шельму от расправы расвирепевшей толпы.

– Так что ты будешь со мной делать, Тишка? – озабоченно спросил Шельма, вспомнив старую кличку Беспалого.

– А что мне с тобой делать, Афанасий? – пожал плечами Тимофей Егорович. – Тебе ведь помилование вышло. Заменили расстрел на четвертак. Вот тебе справка. – Он достал из ящика стола лист бумаги. – Считаю, что с тобой получилась некоторая ошибочка. Можешь идти. Поздравляю тебя!

– Ты это серьезно? – не желал верить Шельма, поглядывая на документ. – Что там? Я же неграмотный. Читать так и не выучился.

– Серьезнее не бывает. – Беспалый поднялся и протянул Афанасию листок.

Шельма осторожно, словно боясь обжечься, взял бумагу.

– Так мне... идти?

– Иди!

– Спасибо тебе, Тишка. Вот уж не думал, что живым выберусь из этой богадельни. Прости, если что не так!

Шельма повернулся и вяло затопал к двери.

Тимофей Беспалый внимательно глядел в острый затылок Шельмы. Голова у вора была выбрита. Желтоватая кожа с многочисленными шрамами и царапинами очень напоминала ветхий пергамент, готовый расползтись при малейшем прикосновении. В основании черепа Беспалый рассмотрел небольшую шишку, из которой неряшливо, во все стороны, торчали редкие седые волосы.

Тимофей сунул руку в ящик стола, пальцы отыскивали прохладную сталь. Еще несколько секунд он наблюдал за тем, как Шельма на одеревеневших ногах пробирается к приоткрытой двери, а потом, подавив в себе сожаление, Беспалый поднял пистолет и выстрелил.

Голова Шельмы брызнула кровью и множеством мелких осколков, и вор, раскинув руки, повалился на дверь, которая под тяжестью его сухонького тела распахнулась, словно хотела выпустить мертвого вора на волю.

Беспалый тяжело опустился на стул и, глядя на труп вора, налил себе полный стакан водки, а потом единым махом, как будто это была ключевая водица, вылил водку себе в утробу.

Как и в воровском мире, палачу, состоящему на государственной службе, не полагалось дополнительного вознаграждения. Умерщвление для него такая же обыкновенная работа, как и всякая другая. Вот только более нервная, что ли... А душу полагалось лечить хмельным зельем.

– Капитонов! – громко крикнул Беспалый. – Где ты там?! Черт тебя подери! Или, может быть, мне самому покойника тащить?

Вошел перепуганный старлей. За последний час полковник Беспалый сумел удивить его дважды. Значит, и у него нервы не железные, и все это чушь, что будто бы расстрел приговоренных для Беспалого такое же удовольствие, как для некоторых – игра на бильярде. Хуже всего было то, что в свой последний день полковник мог придержать документы Капитонова на очередное звание, и тогда прощай капитанские погоны! А значит, в ближайшее время постыдное увольнение из армии.

– Сейчас!.. Сидоров! – рявкнул Капитонов.

Напуганный гневом полковника, он готов был взвалить труп на собственные плечи и без всяких помощников закопать его на лагерном кладбище в тундре.

Рядовой Сидоров, потоптавшись немного у трупа, нагнулся и стал расстегивать на груди Шельмы рубашку.

– Отставить! – жестко приказал полковник Беспалый. – Похоронить его в одежде! – И, заметив недоуменные взгляды подчиненных, Тимофей Егорович добавил, размахивая пистолетом: – Вы что, плохо слышите? Так я сейчас вам уши-то прочищу!

Одежду казненных никогда не оставляли на территории лагеря. Это была давняя традиция, известная еще с екатерининских времен. Любой новобранец знал о том, что лагерная одежда приносит несчастье, а потому ее отсылали близким родственникам, которые тоже частенько относились к ней как к поганой – в глубочайшей тайне ее кипятили в семи водах, затем трижды промывали с песком и только потом хоронили за оградой кладбища, не забывая поставить над ней крепкий осиновый крест. Порой одежду казненного относили далеко в лес и, разорвав на куски, развешивали на деревьях, и тряпки затем служили птицам для постройки гнезд. Возможно, именно в птицах возрождалась душа казненного. Иногда одежду рвали на мелкие лоскуты, а потом конопатили ими избу. Считалось, что одежда казненного отпугивает от дома нечистую силу.

– Когда похоронить-то? – Капитонов недоуменно посмотрел на Беспалого. Да, полковник определенно был не в себе, надумал похоронить проклятие под стенами тюрьмы.

– Сейчас! Немедленно! – И, нахмурившись, он попытался объяснить: – Тебе легко было бы убить родного брата? Так он мне вроде брата был...

Казненных обычно хоронили в холщовых мешках, которые крепко сшивали суровыми нитками, будто опасались, что почивший узник способен вылезти через махонькое отверстие. С Шельмой все было иначе: начальник лагеря распорядился смастерить гроб, на дно которого уложили сосновые ветки. Домовину опустили на глинистое дно ямы. Потом полковнику Беспалому еще долго вспоминался холодный кладбищенский ветер.

* * *

...Тимофей Егорович, шагнув в знакомый кабинет, опасливо огляделся, словно ожидал увидеть на его стенах щербинны от пуль и запекшуюся кровь, но новые цветастые обои спрятали от чужих взоров следы казней почти сорокалетней давности. Только тишина здесь осталась такой же гнетущей и глухой.

Александр уверенно сел за стол, и Беспалый-старший вдруг понял, что сын сидит за тем самым дубовым столом, который когда-то принадлежал ему. Тимофей Егорович не был суевренным человеком, но в этот момент его передернуло от ужаса.

– Ты знаешь, что было в этом кабинете? – тихо спросил Тимофей Егорович.

– Могу только догадываться. – Кривая улыбка тронула губы Беспалого-младшего, и Тимофей Егорович понял, что сын знает куда больше, чем хочет показать. Александр Беспалый обвел долгим взглядом помещение, словно пытался увидеть души казненных. – Если хочешь, мы можем найти другое место...

– Нет, – отрицательно покачал головой Тимофей Егорович. – Буду разговаривать с ним здесь.

– Хорошо. Сейчас приведут Муллу. Сколько же ты с ним не виделся?

– Вечность! – глухо выдохнул бывший кум.

* * *

С Заки Зайдуллой Тимофей впервые повстречался, когда им обоим было по тринадцать лет. Заки в то время верховодил группой подростков-беспризорников, которые крали все, что лежало без присмотра. Но особым спросом у них пользовался харч, а потому большую часть времени они проводили на рынках, где таскали с лотков продукты и доводили мастерство карманника до настоящего искусства.

На момент встречи Тимофей уже четвертый год жил без родителей, потеряв их в знойное холерное лето. В тот страшный год курносая забрала к себе почти все село, и дворы, некогда славившиеся на всю округу своей веселостью, не способны были даже на скорбный плач. Порой некому было оттащить покойников на погост, и они разлагались во дворах, прели в душных хатах. Из огромной семьи в пятнадцать человек Тимофей остался один.

На его глазах сначала скончалась матушка, через день умер отец. В течение месяца один за другим ушли двенадцать братьев. Его охватывал ужас, когда он видел муки близких, исходящих обильной рвотой и поносом. Особенно жаль было шестилетнего братишку, измучившегося от бесконечных судорог. Мальчик постоянно звал мать, скончавшуюся неделей раньше, и, видно, душа умершей вняла просьбе младенца и в одну из душных ночей призвала мальчика к себе.

Тимофей оставался крохотным живым островком посреди царившей смерти: он видел, как костлявая забирает в свои цепкие лапы один двор за другим, а сам он не ощущал даже малейших признаков болезни. Будь он старше и религиознее, то воспринял бы свою неуязвимость как божью отметину, а может быть, наоборот, увидел бы в соседстве живой и мертвой плоти нечто сатанинское. Не исключено, что на том свете за него кто-то очень крепко молился, если курносая не желала забирать его ослабленное голодухой и страхом маленькое тельце.

Тимохе впервые по-настоящему повезло, когда холерные команды начали сжигать дома с умершими. Почувствовав запах гари, он вышел из дымящейся хаты, напоминая бестелесный дух, воспаривший над почившими. И если бы холерная команда не была закалена многими смертями, то, возможно, поверила бы в его святость.

Так Тимоха прибил к холерному отряду, с которым целый год разъезжал по деревням и селам Поволжья, ликвидируя очаги поражения. Зная о небывалом даре мальчишки, санитары сполна использовали его в своей работе и, прежде чем поджигать дом, посылали Тишку осмотреть хату, не остался ли кто живой. Случалось так, что в избе находились умирающие люди, – единственное, что можно было для них сделать, так это оттащить подальше на улицу, где жар от полыхающего дома был не столь силен. И только однажды, рядом со скрюченным трупом молодой женщины, в люльке, набитой соломой, он нашел годовалую девочку, которая мило улыбалась на его неожиданное появление.

Видно, девчушка была слеплена из того же самого теста, что и он. И молодые комсомольцы, не привыкшие еще поносить бога, со страхом перекрестились, когда из царства смерти Тимофей вынес живое светловолосое чудо.

Еще через год Тимофей перебрался к тетке в Москву. Тетка не выразила особой радости от появления племянника, но зато не отказала в ломте хлеба и кринке молока. Тимоха, в свою очередь, как мог помогал ей по дому – колол дрова, таскал воду и каждое утро ходил на базар.

Именно на рынке с ним произошел случай, который перевернул всю его жизнь. Тот день был предпасхальный, и, кроме обычных продуктов, он должен был купить десятка два яиц, а еще муки для калачей. Базар был многолюден и напоминал растревоженный улей, жужжащий на все голоса и нахваливающий выставленный товар. У одного из прилавков его внимание привлек парнишка, который больше смахивал на ротозея, чем на покупателя: он поглядывал по сторонам, приценивался к товару, но ничего не покупал. Порой он уверенно врзался в толпу, подставлял под ее течение плечо, и было заметно, что хаос и толчея доставляют ему немалое удовольствие. Вдруг Тимоха увидел, как правая рука парнишки быстро скользнула в карман пальто стоявшей рядом с ним женщины и стремительно извлекла оттуда кошелек.

«Вор!» – догадался Тимоха.

А парнишка, словно почувствовав чей-то пристальный, чужой взгляд, резко обернулся и, углядев в толпе застывшего Тимофея, дружелюбно подмигнул ему. Карманник действовал умело и очень быстро, пальцы у него были длинные и невероятно гибкие. Он мгновенно открыл кошелек и выгреб из него аккуратно сложенные купюры, после чего небрежно швырнул кошелек себе под ноги. Тимохе он напоминал фокусника в цирке, способного одурачить несколько сотен зрителей. Но сейчас вор блистал своим мастерством перед единственным зрителем. Затем он так же рискованно сунул руку в карман крупного грузного мужчины, проследовавшего мимо него неповоротливой тяжелой баржой. Вор растопырил ладонь, и между пальцев у него мелькнули несколько банкнот.

Поддавшись какому-то необъяснимому порыву, Тимофей подошел поближе. В этот момент он напоминал заинтересованного зрителя, которому обязательно хочется разгадать секрет мастерства фокусника. А вор будто бы дразнил мальчишку – его тонкая рука уже юркнула в сумку полногрудой бабы, возвратившись с каким-то блестящим предметом. Что удивительно, на карманника совершенно никто не обращал внимания, каждый был занят своим делом: торговался с продавцом, присматривался к товару, просто прогуливался в толпе.

Тимофей подошел еще ближе. Вор был на удивление молод, старше Тимохи на каких-то два-три года, и тем не менее Тимофей ощущал, что за плечами этого парня был куда более весомый жизненный багаж, чем тот, что выпал на его долю. Вор находился от него в каких-то двух шагах – глаза нагловатые, с ехидной смешинкой. Скорее всего карманник был из бывших беспризорников, сумевший за счет своего преступного таланта не только вырваться из

подвалов, кишаших крысами, но и приодеться так, что его вполне можно было бы принять за ученика старших классов из зажиточной семьи.

Следующей своей жертвой карманник наметил невысокую старушку, суетливо перебирающую развешанные платья. Созерцая ее сухую фигурку, согнутую десятилетиями прожитой жизни, невозможно было представить на ее плечах ни одно из висящих платьев. Вор приблизился к ней почти вплотную. Тимофей даже предугадывал, как должна была произойти кража: парнишка приблизится вплотную, затем левой рукой закроет от глаз старушки сумку, беспечно болтавшуюся у нее на запястье, а правой мгновенно выхватит из сумки очередную добычу. Но неожиданно вор развернулся и сунул руку в карман пальто стоявшего рядом мужчины. Через мгновение в его руках оказалось увесистое портмоне.

– Ах ты, шельмец! – разъяренно крикнул мужчина и ловко ухватил карманника за шиворот. Он так крепко тряс паренька, что тот напоминал котенка, которому хозяин устроил очередную выволочку за изгаженный пол. – Отдавай кошелек!

– Чего пристал! – возмущенно заныл парень. – Не видел я твоего кошелька!

Толпа вокруг них мгновенно разомкнулась, и мужчина с парнем оказались посередине круга. Воров на базаре ловили не каждый день, и зевак собралось немало. Тимоха видел, что многие сомневаются, что паренек действительно вор. По их мнению, он никак не тянул на карманника, с первого взгляда было видно, что он из обеспеченной семьи. Один только костюмчик на несколько сотен рубликов потянет. Наверняка мужчина обознался. Кто-то в толпе даже посочувствовал попавшемуся парню.

– А где же тогда мой кошелек?! – не унимался мужчина.

– Да ты посмотри на этого пацана! В сумку к нему загляни! – ткнул паренек пальцем в стоящего рядом Тимофея.

– Покажь сумку! – повернулся мужчина к Тимофею.

Тимоха пожал плечами и безразлично открыл сумку.

– Да тут вас целая шайка! – оторопел мужчина, схватив Тимофея. – Вот он, мой кошелек! – Он торжественно вытащил из сумки темно-коричневый лопатник и показал его сочувствующей толпе. – А ну куда?! – вновь вцепился он в паренька, попытавшегося шмыгнуть в толпу.

– Ты насчет шайки брось! – воспрял паренек. – Меня маманя на рынок отправила зелени купить, да еще огурцов килограмма два.

И, достав из кармана огромную авоську, продемонстрировал ее собравшимся. Было видно, что в ней действительно перетаскан не один центнер овощей.

– Настоящего вора издали видно. А ну, отпусти парня! – слышались голоса в его защиту. – Вещь порвешь!

Мужчина разжал кулак, и парень брезгливо дернул плечом, после чего уверенно шагнул в толпу, где тотчас скрылся.

– Сволочи! Жулье! Житья от вас нет! Давай в милицию! – уверенно потянул мужчина за собой Тимофея.

– Вешать таких надо на площади, чтобы другим неповадно было! – выкрикнул из толпы лохматый старик.

– А раньше и вешали, – живо подхватил молодой мужчина лет тридцати пяти, в пестрой кепке. – Болтается такой висельник на площади и других воров на разум наставляет.

– Это тебе в науку! – Мужчина размахнулся и наотмашь ударил Тимофея. Из разбитого носа мгновенно брызнула кровь. – Пойдем со мной!..

– Никуда я не пойду! – закричал Тимофей. – Это не я!

– Вырываешься, стервец! Все вы так говорите! От меня не уйдешь, я еще и не таких, как ты, за рога брал! – Мужчина вцепился в Тимофея обеими руками. – По таким мерзавцам, как ты, давно тюрьма плачет!.. Ничего, она тебя сполна вылечит!

– Дяденька, да что же это вы?! Не брал я ваших денег! Зачем они мне?! Отпустите меня! – взмолился Тимофей. – Мне этот вор специально кошелек подсунул!

– Все они головорезы! – высказалась пожилая грузная тетка. – На прошлой неделе я бельишко свое повесила. Ничего там такого не было, штаны да трусы. Так все с веревок поснимали! Даже рваные платья! Так вот у нашего дома такие же бродяги ошивались, вот они и сперли! А как спросишь, так они все ни при чем!

– В иные времена за это руки рубили! – не унимался молодой мужчина в пестрой кепке. – Своровал разок – кисть долой! Украл второй раз – секли по локоть. А уж если в третий, будь добр и головушку бестолковую подставляй. И помогало ведь! Да и как не поможет...

– И сейчас все это надобно делать. Тогда, глядишь, совсем воровать перестали бы.

Тимофей упирался, цеплялся за прохожих, но мужчина крепко держал его.

– Ах ты, поганец! Ты еще кусаться будешь! – И он опять сильно ткнул Тимофея локтем в лицо.

Тимоха почувствовал, как лопнула на губах кожа, и кровь липким неприятным соком брызнула на ворот рубашки.

– Дяденька, отпусти! Не брал я твоих денег, это он мне кошелек сунул!.. Христом богом тебя прошу, помилуй меня! Никого у меня более не осталось, ни тятеньки, ни матушки, все от холеры померли!

Мужчина уже выволок Тимоху из толпы и уверенно тащил его в милицейский участок.

– На жалость, стервец, берешь! Только это тебе не поможет! У меня у самого шестеро детей, и всех кормить надо! Хотел их без гроша оставить! Гаденыш ты эдакий! У меня в милиции свояк работает, так он тебя упечет куда надо! – зло пообещал он.

А еще через минуту базар загудел прежней размеренной жизнью – с бранью, матом, словесными перепалками, а на мужчину, волокущего с торга худенького подростка, уже никто не обращал внимания. Подумаешь, невидаль какая – вора поймали! Базар еще и не такое видывал.

Милиция размещалась в подвале старого особняка. Из его окон были видны только ноги прохожих, да еще слышен был базарный гул. В этом же помещении размещалась временная тюрьма, где содержалось десятка два воров, терпеливо ожидающих небыстрого суда. Мужчина втащил Тимоху в дверь и с силой швырнул его с лестницы. Разбивая лицо, голову, колени, Тимоха скатился по деревянным ступеням прямо под ноги высокому парню в выцветшем галифе. Тот перешагнул через распластанное тело Тимофея и хмуро поинтересовался:

– Еще один вор?

– А то как же! От горшка два вершка, а уже ворует! Пороть бы их прилюдно, вот тогда, может быть, и вышло бы что-нибудь путное. А так, – безнадежно махнул мужчина рукой. – Маета одна!

– Зря ты возрасту удивляешься, у нас таких – три камеры битком! Как зовут? – строго спросил парень у Тимофея.

Тимоха, предчувствуя новый и очень нелегкий зигзаг в своей судьбе, расплакался от обиды и бессилия перед нависшим роком.

– Тимофей меня зовут, только я не вор.

– Как же не вор, когда у тебя кошелек нашелся?! – сердито завозмушался дядька.

– Это тот парень в костюме мне его подбросил, когда я рядом стоял, – жалобно запричитал Тимофей.

– Вот оно что, – безрадостно протянул парень в галифе. – Ну ничего, в тюрьме посидишь, она тебя выправит. Там у тебя будет предостаточно времени, чтобы крепко обо всем подумать. А ну вставай, говнюк! – потянул он Тимофея за ворот. Рубаха с треском разошлась. – Иди к своим дружкам. Давай, давай, они тебя уже ждут. Там тебя научат жизни! – подгонял он пинками мальчика к огромной железной двери. – В кутузке сидеть, это тебе не кошельки на базарах тырить. Присмотри за ним, пока я ключи достану.

– Можешь не торопиться! Я с этого воренка глаз не спущу. Это же надо! – в который раз восклицал мужчина. – Хотел без копейки меня оставить. Я же пни выкорчевывал. Весь мой заработок за полгода!

– Милости прошу!

Дверь распахнулась, и парень в галифе с силой втолкнул Тимофея в полутемное помещение. В нос ударило кислым запахом испражнений и застоявшейся сырости, а затем дверь за его спиной гулко захлопнулась. Камера была переполнена и больше походила на вход в преисподнюю, где громилы дожидались своего часа, чтобы предстать перед глазами падшего ангела.

Тимофей неловко затоптался у порога, съежившись под множеством настороженных взглядов. Через минуту юные узники потеряли к Тимофею интерес, и камера вновь загалдела мальчишескими голосами: они весело переругивались между собой, вспоминали многочисленных приятелей и хвастались удачным воровством. Среди них выделялся худенький долговязый татарчонок, который без конца сцеживал слюну через огромную щербину между зубами и громко, перебивая других, рассказывал о своих удалых подвигах. Из его слов получалось, что он числился в отчаянных разбойниках и на рынке не существовало прилавка, где бы не похозяйничала его тонкая и юркая рука. Татарчонок был весел и задирист, чувствовалось, что прозябание в кутузке дело для него привычное.

Тимофей даже не знал, куда ему присесть, – все места были заняты, никто из мальчишек не желал даже подвинуться. Беспризорники смолили сигари и так искусно матерились, что Тимофей почувствовал себя в их обществе домашним дитятей, впервые выпорхнувшим из-под опеки заботливой гувернантки.

Татарчонок неожиданно повернулся к Тимофею, продолжавшему стоять у двери, и почти по-приятельски спросил:

– Ты кто такой?

– Тимоха меня зовут.

– А кличка у тебя какая?

– Кличка? Нет у меня клички.

Тимофей вновь ощутил на себе всеобщее любопытство и внутренне сжался. Но сейчас во взглядах сорванцов было нечто иное. Татарчонок действительно был старшим в этой многоголкой компании, когда он говорил, то замолкали даже в самых дальних углах камеры.

– Как же ты без клички тыришь? – очень искренне удивился он.

– А я не тырил.

– Вот как? Чего же ты тогда здесь очутился?

Тимоха пожал плечами:

– По недоразумению. Воровал не я, а один парень. Он стащил у дядьки кошелек и мне его подкинул. А меня схватили.

– Хм... В нашем деле это бывает, – согласно протянул татарчонок. – А может, тебя под нары нужно загнать, если ты не вор? – предложил он, хитро посмотрев на пацанов, которые вдруг весело заулыбались в предчувствии забавной потехи. А потом, сделавшись неожиданно серьезным, поинтересовался: – Какой он из себя, этот хмырь, что кошелек тебе сунул?

Тимофей пожал плечами:

– Невысокий такой. Худой... На пальце у него кольцо в виде черепа, – поднял он правую руку.

– А-а, знаю... Валек это! – веско высказался татарчонок. – Вот кого надо бы под нары сажать. Он верха спустил. Ты не первый, кого он под монастырь подводит, для него это забава. Ну, вот как для меня курево, – отшвырнул он дымящийся окурок.

– Разве это хорошо – честных людей в тюрьму сажать?

Татарчонок заметно нахмурился:

– По-твоему получается, что, кто в тюрьме сидит, нечестные, так, что ли? Да если разобраться, то честнее вора человека и не сыщешь! Я правильно говорю, пацаны?

– Правильно, Заки! – раздалось со всех концов камеры.

– Воры – честный народ!

– Что ж нам с тобой делать-то? Ты всегда такой тихий?.. А что, и кличка хорошая, Тишкой будешь! Хорошая кличка?

– В самый раз, Заки, – одобрительно загудели пацаны. – Умеешь ты новичков крестить! Теперь ему от Тишки до самой смерти не отмыться.

– Ладно, чего стоишь? В тюрьме для всех места хватит. А ну, брательники, двигай! Дайте настоящему уркагану дорогу. Вот сюда садись, рядом со мной. – И Заки крепко обнял Тимофея за плечи.

Глава 4

ВСТРЕЧА С МУЛЛОЙ

... Тимофей Егорович не сразу узнал Муллу. От прежнего Заки Зайдуллы остались только выразительные живые глаза, настолько черные и глубокие, что можно было предположить, будто бы именно в них ночь спасается от дневного света. Мулла смотрел на него в упор и терпеливо дождался, когда Тишка, не выдержав его пристального взора, отвернет глаза в сторону.

Кожа на высохшем лице Муллы была разодрана многочисленными шрамами, грубовато заштопанными. Но особенно выделялось три шрама: один кривой ужасной линией рассекал лоб, другой – проходил через нос и убежал далеко за скулу, третий, самый страшный, – жирной багровой полосой начинался у левого виска, проходил через всю щеку и раздваивался на подбородке. Лицо Муллы оставляло неприятное впечатление, казалось, что неумелый «лепила» выбрал его лицо в качестве полигона для своих хирургических упражнений.

Мулла был невероятно худ, словно десятилетия просидел на воде и хлебе. Вот только руки его не изменились. Как и прежде, фаланги пальцев оставались длинными и гибкими. Ни тяжесть прожитых лет, ни лагерное житье-бытье не вытравило из его сатанинских глаз озорного огонька, который когда-то сводил с ума женщин. Да и сам Мулла не одряхлел с возрастом, лишь стал похож на корявое высохшее дерево, которое никак не желало ломаться и готово было поскрипывать на сильном ветру еще не один десяток лет.

Тимофей Егорович невольно поднялся со стула:

– Заки?

Мулла неодобрительно оглядел Беспалого и после некоторого раздумья слабо пожал протянутую руку.

– Значит, ты теперь мухобой?

Беспалый сдержанно улыбнулся:

– Что-то вроде того.

– Зачем из барака выдернул? Неужели соскучился? А может, помирать срок пришел, и ты надумал проститься? Хе-хе-хе! Поживешь еще! У тебя даже румянец на щеках играет. Располнел ты, Тимоха... Тебе бы к нам на лагерную диету, ты бы тогда мигом скинул лишних полтора пуда. Медицина что говорит? Лишний вес вредит здоровью!

– Я тебя часто вспоминаю, Заки, – вздохнув, ответил Беспалый. – Как это ни странно, но чем ближе последний час, тем воспоминания юности становятся острее.

– Ого! Ты меня удивляешь, Тимоша. Вот уж не думал, что начальник колонии, хоть и бывший, может быть философом! Впрочем, все в руках Аллаха...

Мулла никогда не забывал о том, что он мусульманин, и часто поминал Аллаха. Увидев свободный стул напротив Тимофея Егоровича, он сел и выжидательно перевел взгляд на Александра. Теперь он видел, как сын похож на отца. Пройдет десяток лет, и барин станет точной копией своего отца, Беспалого-старшего.

– Заки, если желаешь, можно будет устроить тебе досрочное освобождение. Засухарись... А желающие найдутся, уверен! Если что, поможем. Больших грехов за тобой не числится. И администрация не станет возражать.

Беспалый кивком указал на сына, который с интересом наблюдал за разговором бывших корешей. Оба старика чем-то напоминали богобоязненных странников, исходивших немало дорог, но под конец жизни вернувшихся в храм. Вот только место паломничества – тюрьма!

– И ты предлагаешь сухариться человеку, который почти полвека просидел за решеткой?! – возмутился старый эк. – Да если я отсюда уйду, в лагере вообще правда умрет! А потом, здесь меня все знают, уважают. Я – Мулла, и этим многое сказано. А кем я буду на воле? Вокзальным побирушкой? Так, что ли? Молчишь?

– Мне нечего сказать.

– Ты лучше ответь мне, что стало с Шельмой? Я кое-что, конечно, слышал, но хотелось бы узнать от тебя.

Тимофей Егорович посмотрел на сына, потом перевел взгляд в угол, куда когда-то брызнули мозги казненного вора, и отвечал с откровенностью, на которую только был способен:

– В общем, так получилось... Я проводил его в последний путь... От меня мало что зависело.

Мулла понял все. Он крепко сжал губы, и кожа на его скуластом лице натянулась. Кажется, еще секунда и творение неизвестного хирурга разойдется по кривым швам.

– Аллах рассудил правильно, этим... последним, – подобрал он наконец нужное слово, – должен был быть именно ты.

– Саша, у тебя водочки не найдется? Все-таки не так часто я со своими друзьями вижу... Кто знает, когда доведется в следующий раз.

– А ты переходи в наш барак, тогда мы еще успеем глаза друг дружке намозолить. А я тебе угол выделю и пидораса персонального, который тебя обслуживать будет. Не позабыл, как это делается? – со смешком спросил Мулла.

Тимофей Егорович криво усмехнулся, сверкнув золотой фиксой в правом углу рта. Беспалый в молодые годы всегда одевался франтово: на ногах яловые сапоги, которые непременно съезживались в гармошку. Когда он шел, скрип сапог доводил до экстаза всех девок в округе. Костюмы он заказывал у лучших портных. Рубашка на нем обычно была ослепительно белая. Еще Тишка любил запонки из чистого золота, а вот галстуков не признавал: ворот у него всегда был расстегнут, и из него выглядывала тельняшка, с которой он расставался только в бане. Золотая фикса была изобретением самих воров: традиция подпиливать здоровый зуб и ставить на него золотую коронку уходила в дальние времена, когда каждый уважающий себя уркач имел привычку вставлять в пасть желтый благородный металл.

Сейчас на Тимофее Егоровиче не было ни яловых сапог, ни кепки-восьмиклинки, и вместо дорогих австрийских часов, которыми он когда-то любил щеголять перед приятелями-ворами, он теперь носил самые что ни на есть обыкновенные – «Победу» с исцарапанным стеклом и засаленным ремешком. Однако золотая фикса на клыке Беспалого-старшего блестела так же ярко, как и в молодые годы, и недвусмысленно напоминала о его воровском прошлом.

– Разве такое забывается! Только инструмент у меня притупился, – отшутился Тимофей Егорович.

Беспалый-младший достал из шкафа бутылку французского коньяка, расставил на столе рюмки и разлил в них коричневую жидкость. Коньяк был отменный, комната мгновенно наполнилась ароматом.

– Вот что я тебе скажу, гражданин начальник, – поморщился Мулла, – убери это пойло, им только свиней травить. У тебя спиртяшки не найдется? Мой желудок к нему больше привычен.

Александр Беспалый улыбнулся. Ему импонировал этот старый зэк, чей язык был остер, как турецкий ятаган. И вообще, зэков такого калибра, как Мулла, по всей России можно было отыскать теперь не более десятка.

Он был реликтом, мамонтом давно ушедшей эпохи, сумевшим пробиться через толщу времени, донести угасающие воровские традиции до нового поколения урков. И если его сейчас выставить за ворота зоны, то уже на следующее утро бездыханное тело Муллы найдут у стен тюрьмы. Такие, как он, не могут жить без размеренного порядка, переклички, воя сирен, колючей проволоки и даже лая собак.

– Есть у меня спирт! – С этими словами Александр достал из шкафа литровую бутылку. – Это только для самых важных гостей.

– А знаешь, гражданин начальник, мне надо бы отказаться от твоего угощения: не по воровским это понятиям – брать чарку из рук скворца. Но, думаю, братва не осудит меня за это, ведь сегодня особенный день!

– А ты и не бери! – серьезно ответил Беспалый-младший. – Я тебе на стол поставлю.

Осторожно поставив стакан перед Муллой, он ободряюще улыбнулся. Заки Зайдулла внимательно наблюдал за тем, как тоненькая струйка спирта наполняет стакан.

Беспалый-младший знал об этой странной привычке Заки Зайдуллы пить неразбавленный спирт. Причем выпивал он его не залпом, как делают большинство людей, а небольшими глотками, ополаскивая при этом огненной жидкостью рот, – именно так поступают дегустаторы, определяя вкусовые качества напитка. Мулла сделал небольшой глоток и от удовольствия сладко сощурился, напоминая разнеженного кота, почувствовавшего тепло весеннего солнца после затяжной снежной зимы. А потом так же неторопливо стал тянуть спирт – глоток за глотком, ни разу не поморщившись.

– Заки, чтобы так пить, нужно иметь луженый желудок! – заметил Тимофей Егорович.

– Посидел бы с мое, похлебал бы баланду, и у тебя такой же был бы! – едко отозвался Мулла.

Не отрывая стакана от губ, Заки Зайдулла внимательно разглядывал своего давнего друга. Ему показалось, что Тимоха мало изменился, даже полковничьи погоны на старом кителе не могли затмить сияния его воровской золотой фикса. Он по-прежнему оставался вором! Это ощущение складывалось не только из его поведения, но еще из-за многих приобретенных им привычек. Так, например, Беспалый-старший не терпел собачьего лая и как бывший зэк никогда не держал в своем огромном доме псов. Другое дело служба, где конвойные овчарки полагались по штату и им выдавалось довольствие, не уступающее офицерскому. Но, даже будучи кумом, он предпочитал двойные двери, чтобы отгородиться от харкающего злобного лая.

– Не надо, Заки! – жестко произнес Беспалый-старший. – Я свое вот так отсидел! – И он резким красноречивым движением рубанул ладонью по горлу. – Или, может, ты позабыл?

Мулла осторожно поставил стакан на стол и сухо ответил:

– Я никогда ничего не забываю, Тимоша!

* * *

Воры на Руси испокон веку считают, что баба приносит одни несчастья, и потому ни один настоящий уркач не связывает себя семейными узами. Семья – это как пудовое ядро на ногах у каторжника: прежде чем сделать шаг, следует поднять ядро на руки, а там ступай себе, пока хватит сил. От таких упражнений у арестанта очень скоро появляется грыжа и болезни позвоночника.

Иное дело мимолетная любовная привязанность, которая не требует от вора каких-либо душевных усилий и общепринятая плата за которую – бутылка хорошего вина, закуска и немного денег на жизнь. На что может согдиться женщина в воровском промысле, так это на то, чтобы стать хитрой наводчицей или красивой приманкой, – вот здесь ей нет равных! Не один лопухий фраер поплатился своим кошельком, безрассудно клюнув на наживку в виде коварной красотки.

Именно пренебрежение к выстраданной воровской заповеди и привело молодого московского уркача Тимофея по кличке Удача в глухой таежный лагерь строгого режима на Полярном Урале.

* * *

Тогда Тимохе казалось, что встречу с Лизой Рогожиной ему подарил слепой случай, но лишь через полгода знакомства, когда оказалась уничтоженной большая часть его корешей, а меньшую заперли в лагерях, он понял, что это была тонкая, тщательно подготовленная акция чекистов.

Его непродолжительный роман с красавицей Лизой начался с того, что как-то раз на рынке молодая женщина попросила его помочь выбрать для нее подходящий кусок мяса, сославшись на то, что ничего не смыслит в гастрономических изысках. У Тимофея, польщенного вниманием смазливой дамочки, вдруг неожиданно отказали тормоза и напрочь отключился инстинкт самосохранения. Внимательно окинув незнакомку с ног до головы долгим взглядом, Тимоха понял, что перед ним женщина редкой красоты, экземпляр, каких во всей Москве не более одного десятка.

Их отношения развивались стремительно – на следующий день молодой, удачливый вор повел девицу в «Метрополь», а вечером поразил ее в постели мужской силой и пылкостью ласк. Уже через неделю он представил ее своим друзьям как невесту. По воровским понятиям это было вопиющим нарушением традиций, но урки простили нечаянную слабость бывшему беспризорнику, который к тому времени возглавлял ватагу жиганов и карманников, с полным правом носил кличку Удача и мог считаться полновластным хозяином двух рынков в центре столицы.

Тимофей таскал Лизу едва ли не на все воровские посиделки, на все малины, где она очень быстро сумела перезнакомиться не только с уркачами, но и с их подругами. А месяца через три началось страшное: в воровские хазы, о которых знали лишь самые проверенные люди, нагрянули чекисты и в первый же день арестовали столько уроков, сколько за все последние три года. Дальше – хуже: воров хватили на улицах, вязали на майданах, вместе с ними арестовывали сбытчиков краденого...

Но чаще всего чекисты расстреливали воровскую братву прямо во дворах, освобождая себя от хлопотной обязанности водворять уголовный элемент в тюремные камеры, а потом возиться с ними в следственных кабинетах. Пострадали даже безобидные «голубятники», которые были виновны лишь в том, что по бедности таскали развешанное на чердаках белье.

Но совсем неожиданным было внезапное исчезновение Лизы. И тут Тимофей поймал себя на мысли, что не знает о своей возлюбленной ровным счетом ничего: ни у кого она живет, ни с кем водит дружбу, ничего он не ведал и о ее родственниках. Его стали мучить сомнения. В действительности ли она та, за кого себя выдавала?

Жиганы во главе с Заки Зайдуллою, которого в воровской среде уже успели прозвать Муллою, явились в квартиру Тимофея без предупреждения, среди ночи – один из домушников умело отомкнул тяжелую дверь отмычкой, и пацаны бесшумно, словно тени, вошли в комнату.

Тимоха, увидев «гостей», от неожиданности побледнел, но старался держаться неприступно. Он прекрасно понимал, что так, по-тихому, к нему могли явиться только те, кому воровской сход поручил без лишнего шума разобраться с провинившимся и привести приговор в исполнение. Тимоха сумел перебороть страх и даже нашел в себе силы предложить бывшим корешам водки. Они не отказались, но первым выпил Зайдулла, и только после этого к угощению посмели притронуться и остальные. Явившиеся на толковище жиганы еще совсем недавно были свитой Тимофея. Тогда ему достаточно было цыкнуть на любого из них, чтобы вся компания целую неделю тряслась от страха. Но сейчас, сопровождая Муллу, они уже ничего не боялись, будто заматерели, чувствуя себя настоящими уркаганами. Нагло развалившись на стульях, они с едкими усмешками посматривали на хозяина квартиры.

– Ты знаешь, зачем мы пришли, Тимоша? – наконец спросил Мулла. Вежливо так спросил, без нажима.

– Понятия не имею, – спокойно и с достоинством ответил Тимофей.

– И даже не догадываешься? – внимательно посмотрел в глаза Удаче Зайдулла.

– Не догадываюсь, – так же невозмутимо повторил Тимофей.

– Ну, тогда мне придется тебе кое-что пояснить. Твоя лярва заложила всех уркачей. Не обижайся, Тимоша, но с тебя будет спрос строгий.

– С чего ты взял, что это она? – нахмурился Тимофей.

– А ты спроси у жиганов, – кивнул Мулла в сторону парней, с хмурыми лицами наблюдавших за их разговором. – Один из них видел ее на Лубянке. И встречали ее там, как принцессу, – под белы руки, по красному ковру...

От услышанного у Тимофея отлила кровь от лица.

– Убью суку! – только и смог вымолвить он.

Мулла, казалось, не расслышал его негодующего возгласа.

– Мы хотели бы у тебя спросить, Тиша, а не ты ли будешь вторым сапогом, что затоптал все наши хавиры?

– Ты думай, о чем базлаешь, Мулла! Ты меня давно знаешь. За такое и ответить можно. Удача таких слов не прощает!

– Ага, вот как ты запел... Но боюсь, что на этот раз удача от тебя отвернулась. Ты, Тиша, пригнул змею у себя на груди. На воровские традиции начихал. Где твоя падла?!

Тимофей неожиданно сник:

– Не знаю, братцы, сам ее ищу. Нигде нет! Сначала я думал, что с ней случилось чего-то, а когда братву начали гасить, так я сам стал неладное подозревать. Только в том, что произошло, нет моей вины. Заворожила она меня, сука, своей красотой! Втюрился в нее, как пацан пятнадцатилетний. Ей-богу, братцы. – И Удача в ожидании понимания посмотрел на жиганов. – Неужели ты мне не веришь, Мулла? Мы же с тобой старые подельники, оба из беспризорников выросли.

– Нынче совсем другие времена наступили, Тимоха, – отрезал Зайдулла. – Сам знаешь, чекисты умеют работать: сейчас урками и жиганами все тюрьмы забиты. Трудно теперь кому-то верить. А потом, за все это кто-то и ответить должен. Ты согласен со мной?

– Да! – хмуро кивнул Удача.

– Так вот, вчера на сходе братва порешила... Ты не позабыл, как клянется карманник? Если ты еще карманник?

– Не забыл. Ты же знаешь, что я карманник... «Клянусь пальцами своей руки, что не приведу на воровскую хазу чужого человека...»

– Верно! – кивнул Мулла и печально улыбнулся. – Вот мы, Тима, и явились за твоими пальцами.

Жиган по кличке Лебедь от волнения шумно сглотнул слюну. Узнав о вчерашнем решении схода, он сам напросился пойти вместе с Муллой к Удаче и сейчас ожидал незабываемого зрелища. Ему как бывшему щипачу было известно, что потеря пальцев для карманника все равно что для священника лишение сана и что клятвы более страшной, чем та, которую повторил сейчас Тимофей, для воров не существовало. У Лебеда к тому же имелся еще и личный счет к Тимофею: дважды Тимоха уводил у него девок, по давней эковской традиции, полагая, что уркам должно принадлежать все лучшее, и несколько раз обидно одернул Лебеда на толковище при большом сборище уркачей. И вот сейчас Лебедь явился к Тимофею для того, чтобы сполна расквитаться за былые обиды.

Урки считали себя голубой кровью и, исходя из каких-то своих моральных принципов, не поднимали руку на провинившегося собрата, а призывали для кровавой работы жиганов, с которыми затем щедро расплачивались.

– Так чего же мы тянем, Мулла? – в нетерпеливой ухмылке скривил губы Лебедь и вызывающе глянул на Тимофея. Потом вытащил из-за пояса финку и сделал два шага в направлении осужденного. – Жаль, братва, что не голову этому гаду придется отрезать.

– Убери, жиган, свои лапы от урки! – зло процедил сквозь зубы Тимофей и угрожающе посмотрел на Лебеда. Тот остановился.

Мулла подал знак, и воцарилось молчание.

– Ты, Тимоха, конечно, щипач от бога, – глухо произнес Мулла. – Так и быть, пожалеем тебя – режь пальцы на левой руке. Правую тебе обкорнать – все равно что убить.

Некоторое время Удача внимательно рассматривал свои изящные пальцы, которые сделали бы честь пианисту-виртуозу, стараясь навсегда запомнить на них малейшую складочку. Потом положил на край стола мизинец и безымянный палец левой руки и, выхватив из кармана короткий острый нож, одним ударом отсек оба под самое основание. Пальцы отскочили и кровавыми обрубками застыли в центре стола.

– Ты не молчи, Тимоша, кричи! – сочувственно сказал Мулла, глядя на скривившееся от боли лицо Тимофея. – Так-то оно легче будет.

– Ничего, как-нибудь справлюсь, – простонал Тимофей, отводя взгляд от изуродованной руки. – А потом легче уже не будет.

– Это еще не все, Тимоша. Сход решил, чтобы ты прикончил свою кралю собственноручно. И не вздумай отпираться, не говори, что ты не мокрушник. Срок даем тебе неделю. Дальше жди беды!

Тимофей на мгновение позабыл о боли, а потом глухо проговорил:

– Это я, братва, решил уже и без вас.

– Ну вот и договорились. – Мулла поднялся. – Ты уж извини, что мы к тебе без стука вошли, просто не хотели тревожить. А вы куда, жиганы? – прикрикнул Мулла на парней, направившихся к выходу. – Или, может, я буду за вас обрубки уносить? Да не кривите вы рожи, заверните пальцы в бумагу и положите в карман. Вот так-то... Деньги брать любите, а работу исполнять другие должны? А ты чего стоишь?! – прикрикнул Мулла на побелевшего Тимофея. – Руку тряпицей завяжи, а то истечешь кровью! Пошли, жиганы! Не век же нам здесь куковать с этим Ромео, – шагнул он за порог.

* * *

Тимофей отыскал Лизу на шестой день, когда уже вовсе отчаялся найти ее и даже стал подумывать о том, что не миновать ему суровой кары воровского схода. Он исходил всю Москву, по нескольку раз в день наведывался в те места, где раньше бывал с Елизаветой. Но его бывшая возлюбленная как в воду канула: нигде ее не было, никто ее не видел.

На шестой день Тимофей без всякой надежды на успех забрел – уже, наверное, в тридцатый раз – на ту квартиру, где они когда-то проводили счастливые деньки. Он даже не мог сказать, что именно подтолкнуло его снова явиться в знакомый дом: надежда, отчаяние или тоска по минувшим дням. Меньше всего можно было ожидать появления Лизы в этом логове любви, которое он снимал для их интимных свиданий. Подойдя к знакомой двери, он сразу понял, что Лиза в квартире, даже почувствовал запах ее духов. Некоторое время Тимофей стоял у порога, страшаясь того, что должно было совершиться. Но, взглянув на перебинтованную руку, ощутил приступ ярости и решительно постучал. Дверь тотчас открылась. Сначала он увидел на ее лице радостную улыбку, которая медленно сменилась гримасой отчаяния.

– Вижу, что не ждала! – хмуро произнес Тимофей и, оттеснив Лизу плечом, прошел в комнату. – Да прикрой ты дверь, никогда не любил сквозняков. Вот так-то лучше, – одобрительно кивнул он, услышав за своей спиной щелчок замка, и, повернувшись, приблизился к испуганной женщине. – Ну, здравствуй, Лизавета! Как живешь, дорогая... стерва?

Тимофей стиснул пальцами подбородок Лизы. Ему достаточно было увидеть ее, чтобы понять – вся та злость, которую он собирал в себе на протяжении последних дней, ничто! Ненависть, подобно проливному ливню, бесследно ушла в песок, и что ему сейчас хотелось, так это сорвать с нее тонкое платье, через которое плавными изгибами проступали широкие бедра, и придавить ее всем телом. Тимофей старался распалить в себе угольки ненависти, но они мгновенно гасли, стоило ему заглянуть в манящий омут женских глаз. Он прошелся по комнате, глядя в пол, а потом, приподняв забинтованную руку, зло произнес:

– Видишь, сука! По твоей милости пальцев лишился. Ты ведь и не догадываешься, каково быть карманнику с изуродованной клешней! Ладно еще пожалела меня братва, а то могли бы и на правой руке пальцы оттяпать. – Тимофей помолчал, тяжелым взглядом уставившись в пол, а потом, вскинув глаза на Елизавету, хрипло спросил: – А теперь говори, тварь, кому нас заложила?

Лиза с ужасом смотрела на Тимофея, не в силах произнести ни слова.

Тимофей достал из кармана револьвер и положил его на стол. Оружие, зловеще клацнув о полированное дерево, напомнило о том, что воровская любовь столь же опасна, как «ствол», снятый с предохранителя. Разбирательство урки с любимой женщиной всегда смахивает на сюжет из воровской песни с драматическим финалом.

– Роденький ты мой, миленький ты мой! – Лиза бросилась в ноги Тимофею. – Да что же это ты?! – Она крепко обхватила его колени. – Неужели вот так сразу... Да разве я могла бы! Люблю я тебя! Люблю... Разве я могу тебя предать?!

Сложно устроен вор, и любовь его всегда навыворот: хоть он и считает, что женщина приносит зло, однако падок на ее ласки, на домашний уют и за эти мгновения тепла готов порой поступиться воровскими правилами. Нередко уркаган за любовь принимает всего лишь собачью привязанность одинокой бабы, истосковавшейся по сильным мужским объятиям. А чаще всего любовь у вора бывает краденая, и от этого вкус ее кажется терпким, а поцелуи хмельными и дурманящими. Расплачивается вор за страстные любовные ласки всегда щедро, как если бы провел последнюю в своей жизни ночь любви.

– А кто ж, коли не ты?! – Тимофей оттолкнул от себя женщину. Лиза неловко завалилась на бок, и он увидел, как задралось ее легкое платье, оголив белоснежное бедро. Ему стало тошно от мысли, что кто-то другой мог касаться этой гладкой кожи, мог нашептывать в точечное ушко ласковые словечки, и, подумав об этом, он разозлился по-настоящему: – Кто тебя подослал ко мне, говори, падла! Кому ты нас выдала?! – Тимофей что есть силы рванул на девушке платье, и ткань, жалобно затрещав, высвободила из плена тяжелую красивую грудь.

– Не убивай меня, Тимоша, все скажу! – обвила Лиза его ноги руками. – Грешна я перед тобой, только не со зла я все это сделала. Меня жизнь заставила! Я сначала мужа своего спасала. На грех пошла. Потом, как увидела тебя, все у меня в голове помутилось. Полюбила я тебя. Энкавэдэшники мне наобещали, что и тебя не тронут, и мужа отпустят. Только два года мы с ним и пожили... Пришли однажды ночью какие-то в форме и забрали моего Степу. Два месяца я ихние пороги обивала, не знала, где он, а потом достучалась до самого главного их начальника, и он мне сказал: если хочу мужа живым увидеть, то должна с уркачом сойтись, а все, что увижу и услышу, обязана на Лубянке рассказывать...

Воровская любовь – не всегда сладкое вино под хорошую закуску: чаще она напоминает уксус, а порой и вовсе пахнет предательством. Так что уркачу частенько приходится глотать горький плод измены.

– Понятно, – протянул Тимофей, хотя ровным счетом ничего не соображал и вряд ли в эту минуту способен был сосчитать хотя бы до десяти.

До последнего мгновения он продолжал надеяться, что Лиза невиновна и по-прежнему верна ему. Прозвучавшие слова признания придавили его к земле и застлали глаза черным

туманом. Он чуть приподнял руку, слепо нащупал на столе револьвер, поднял его и, направив «ствол» в перепуганные глаза Лизы, резко надавил на спуск.

Выстрел раскатился по двору и спугнул стайку белых голубей. Минуты две птицы тревожно летали над домом, а потом опять как ни в чем не бывало опустились на асфальт.

У Тимофея не было сил перешагнуть через бездыханное тело Лизы. Он даже не услышал, как в комнату вошла бабуля, жившая по соседству: несколько секунд она стояла в дверях, шальным взглядом глядя на человека, стоящего с револьвером в руках, а потом из ее горла вырвался истошный вопль, и она выскочила из комнаты, захлопнув дверь. А еще через пять минут под ударами сапог распахнулась дверь, и в комнату ворвались четверо милиционеров. Направив «стволы» в грудь Тимофею, они, похоже, ожидали отчаянного сопротивления. И тут ему вдруг невероятно захотелось жить. У него перед глазами пронеслась вся его недолгая жизнь, голодное детство, шальная воровская юность с вечной необходимостью рисковать, лихие денечки среди уркачей и марух. Он вдруг осознал, что, собственно, еще ничего не видел в жизни, что она, как скорый поезд, все время проносилась мимо, оставляя ему лишь едкий запах паровозной гари.

Тимофей бросил револьвер себе под ноги и спокойно произнес:

– Что же вы стоите... товарищи? Вяжите меня! Я не сопротивляюсь.

– Жить хочешь, паскуда? – злобно процедил один из оперов – круглолицый краснощекий парень и с сожалением нехотя воткнул «наган» в кобуру. – Ладно, поживи еще. Вяжите его крепче, братцы!

Глава 5

СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР

Суд, перед которым предстал Тимофей, был скорым. Судья, сухощавый мужчина лет сорока пяти, нудным голосом приговорил Тимофея за убийство сотрудника НКВД к высшей мере наказания – расстрелу. А еще через несколько минут в сопровождении четырех молодых конвоиров вор выходил из зала под осуждающие крики людей, пришедших на процесс. Но среди присутствовавших в зале были и его подельники. Каждый из них воспринимал нынешнюю встречу как прощание, понимая, что через семьдесят два часа, по постановлению суда, душа Тимохи отлетит в иной мир...

Сутки приговоренный провел в камере смертников. Бессонной ночью в узкой комнатке одного из подвалов Лубянки он вспоминал свою путаную жизнь. Неимоверно хотелось жить, и оставшиеся два дня Тимофей воспринимал едва ли не как подарок господ бога. А ведь порой на воле за картами пролетают целые недели.

Через три дня, нарушив долгую тишину, звонко лязгнув замок камеры, и четверо красноармейцев уныло, будто им самим предстояло идти на расстрел, перешагнули через порог. Сердце Тимофея бешено заколотилось. Нет, просто так он не дастся! Стиснув зубы, Тимофей бросился на вошедших: первого, ближайшего, он оглушил ударом кулака, вырвав у него из рук винтовку, второго – отшвырнул от себя ударом ноги в угол камеры и добил штыком, а двоих, оставшихся, расстрелял в упор. Этим отчаянным поступком он хотел вырвать у судьбы еще несколько часов жизни. Теперь он готов был драться за каждую секунду бытия. Имея в руках оружие, он собирался дорого продать свою жизнь.

Через несколько часов дверь камеры резко распахнулась, и внутрь запустили трех могучих кавказских овчарок.

Первую бросившуюся на него собаку Тимофей проткнул штыком в момент прыжка, и она упала ему на грудь, харкнув в лицо кровавой пеной. Это уберегло его от страшных челюстей второго кавказца, который смог только располосовать зубами полу рубахи. Отпрянув, Тимофей схватил винтовку за ствол, как дубину, и с размаху обрушил приклад на медвежью башку овчарки. Третий пес, которому мешали добраться до приговоренного две другие собаки, смог наконец броситься вперед, вцепился Тимофею в руку и повалил его на пол. Однако Тимофей подхватил свободной рукой винтовку, вырвал штык и, вкладывая всю свою ненависть к собачьему племени, ударил псу в живот трехгранным заточенным железом и резко дернул вверх. Горячая кровь брызнула Тимофею в глаза. Стиснув челюсти, он сделал еще один удар, такой же страшный. Пес разжал челюсти, заскулил, неистово мотая головой, поджал хвост и, волоча за собой шлейф кровавых внутренностей, забился в угол. Овчарка скулила и дергалась еще минуту-другую, после чего затихла в луже крови подле мертвых сородичей. Все было кончено, но еще долго Удача судорожно сжимал в руках винтовку.

Однако в коридоре царила гробовая тишина.

Через полчаса Тимофей увидел, как в двери распахнулся глазок, и удивленный юношеский голосок протянул:

– В-о-о-т гад! И собак порешил!

Тимофею захотелось плюнуть в глазок, но стоявший за дверью человек словно почувствовал его желание и опустил толстую пластину железа.

Тимофей сумел вырвать у судьбы еще немного времени и сейчас наслаждался существованием. Он не обращал внимания на разбросанные по камере трупы солдат и собак. Он жил! Прокушенное предплечье все больше наливалось болью, но восторг переполнял душу Тимофея. Он способен был ощущать каждую клетку своего тела и делал это с чувством человека,

впервые пришедшего в сознание после длительного беспомощства. И если бы ему сказали, что на алтаре его бытия нужно пожертвовать обе руки, то он немедленно смирился бы с потерей.

Скоро Тимофей услышал за дверью тихую настаораживающую возню. Однако теперь его ничего не пугало, он приготовился ко всему. Жажда жизни была столь сильна, что если бы сейчас в его камеру втолкнули медведя, то и медведю через пару минут борьбы пришел бы верный конец. Лежал бы косолапый с распоротым брюхом, издавая предсмертный хрип. Но амбразура в двери отворилась, и Тимофей увидел усатую физиономию начальника тюрьмы.

– Не желаешь помереть по-человечески, гаденыш, тогда расстреляем тебя, как бешеного пса, в этой же камере. Это надо же, чего отчебучил! Сколько людей порешил! Лучших сторожевых псов порезал! Сидоренко!

– Слушаю, товарищ начальник!

– Чего раззявился?! Бумаги у тебя?

– Так точно!

– Зачитывай приговор... Все-таки мы власть. Нужно все сделать как положено, а иначе все это на самосуд начнет смахивать. Да погромче читай, а то у тебя голос хлипкий. Таким голосом, как у тебя, только девкам на завалинке похабные частушки в уши нашептывать.

В камеру опять заглянула смерть. Она предстала не в белом саване с огромной косой на плече, а в облике начальника тюрьмы с большущими рыжими усами. Она материлась, словно торговка на базаре, грозила взысканиями оторопевшей тюремной охране и требовала выполнения всех инструкций.

Тимофей был неверующим и свысока относился к эзам, уповающим на бога. Он всегда старался придерживаться иной философии: на бога надейся, да сам не плошай. Однако в воровской среде надежда на бога всегда была очень крепкой. Возможно, эта вера была сродни генетической памяти и пряталась в душе каждого потомственного эза. Ведь существовали времена, когда монастырские обитатели давали кров не только людям, спасавшимся от иноземных захватчиков, но и укрывали воров от разгневанной толпы. И каждый знал, что, перешагнув порог храма, следует согнуться в три погибели перед святыми образами. Здесь не то что руку поднять на инока – святотатство, но и выругаться по матушке – кощунство. А потому даже самого непутевого бродягу храм делал послушным агнцем. И всякий, кто насмеялся над святой верой, объявлялся кошуном и предавался смерти позорной и лютой.

Какая-то неведомая сила подняла руку Тимофея до лба, и он трижды перекрестился. Неожиданно его душа наполнилась уверенностью, что с ним ничего не случится и костлявая непременно споткнется о порог его камеры, так и не отважившись ступить дальше.

А начальник тюрьмы все торопил:

– Эй, караул, готовься! Ну чего мух ртами ловите, деревня! В тюрьме служите! Это вам не девок щупать. Ты все телишься, Сидоренко? Сказано тебе было: читай приговор!

Теперь физиономия начальника тюрьмы уже не казалась такой страшной, и Тимофей даже подумал о том, что барин похож на соседского кота из далекого детства, таскавшего мохнатых желтых цыплят. От этой мысли смертник улыбнулся.

– Скалишься, выродок! – рявкнул усатый. – Посмотрим, как ты дальше лыбиться будешь!

– Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики... – услышал Тимофей зауспокойный голос Сидоренко.

– Да ты не мне читай, мудило, мать твою! – не разжимая зубов, процедил начальник тюрьмы, шевеля рыжими усами. – Я, что ли, смертник?! К окошку подойди и ему читай! – ткнул он пальцем в сторону Тимофея, который с удивительным спокойствием ожидал приговора, сидя в углу камеры.

Тимофей успел потерять интерес к происходящему. Теперь попытка убить его казалась ему такой же смешной, как клоунада рыжего начальника. Спиной он ощутил холод камня и

подумал о том, что очень не хотелось бы простудиться, поскольку впереди его ожидает долгая жизнь, а камера смертников не способствует сохранению здоровья.

Через секунду Тимофей увидел в окошке перекошенное от страха лицо охранника Сидоренко. Глядя на него, можно было подумать, что это именно его, Сидоренко, приговорили к расстрелу.

– ...к высшей... мере наказания, – запинаясь, продолжил чтение Сидоренко. – Приговор окончательный, обжалованию в кассационном порядке не подлежит...

И вновь Тимофей увидел усатое лицо начальника тюрьмы.

– Отдыхаешь?! Ну-ну... Заряжай! – почти восторженно выкрикнул он, и его рыжие усы зашевелились, словно крылья огромной бабочки.

Тимофей улыбнулся, а потом, не в силах больше сдерживать смех, расхохотался беззлобно и заразительно.

– Да как же можно? – неожиданно воспротивился приказу молоденький охранник. – Арестант-то наш спятил!

– Кому сказано, заряжай!

Сухо шелкнули затворы, и Тимофей увидел направленные в его грудь три «ствола».

– Да ты бы хоть смеяться перестал, – едва ли не со слезами в голосе взмолился Сидоренко. – Как же это можно стрелять, когда человек хохочет.

А Тимофей не унимался: видно, так хохочут черти, наблюдая за муками грешников. Его хохот набирал силу, ему стало тесно в камере смертника, и он выпрыгнул через крохотное окошечко в двери и шаловливым постреленком побежал по длинному гулкому тюремному коридору.

– ...Товсь! Цельсь!

Смех споткнулся на самой высокой ноте и резко затих. Неужели предчувствие обмануло его и уже через мгновение он свалится на грязный каменный пол рядом с убитыми красноармейцами, и его кровь смешается с собачьей?

Тимофей зажмурился.

– Отставить! – услышал он властный окрик в коридоре.

– Товарищ Веселовский! – раздался растерянный голос начальника тюрьмы.

– Чем это вы занимаетесь здесь?

– Да вот привожу приговор в исполнение согласно решению суда.

– Вижу, как приводишь, – недовольно перебил его Веселовский, заглядывая в камеру. – Что ж это, он один половину твоей охраны перебил? С кем остальных заключенных охранять прикажешь? Или ты думаешь, товарищ Марусев, что штат у милиции безразмерный и тебе сюда на растерзание арестантам еще народ будут подкидывать? Уберите винтовки, я сказал!

– Так мы, товарищ Веселовский, сейчас мигом все закончим.

– Отставить, я сказал! Или до вас еще не доходит – кто перед вами?

Стволы винтовок в мгновение ока вынырнули из амбразуры обратно в коридор, и Тимофей понял, что предчувствие его не обмануло: смерть только дохнула в его лицо ледяным холодом и прошла мимо. Он поднес ладонь ко лбу и вытер крупные капли пота.

– Открывай... Хочу взглянуть на вашего героя!

– Товарищ Веселовский, он четырех охранников завалил и трех собак порезал, неужели не боязно?

– Большевикам бояться не к лицу. Ну, долго я буду еще ждать?

Сначала затворилось окошечко в двери, а потом забренчали ключи, лязгнул замок, и дверь со скрипом отворилась. В камеру шагнул невысокий плотный мужчина лет сорока, одетый в выцветшую гимнастерку и яловые сапоги. Из-под распахнутого ворота виднелась тельняшка. Он напоминал обыкновенного уркагана соловецких лагерей. После кронштадтского мятежа матрасами там были заполнены все зоны. В покорителях морей изначально прогля-

дывала какая-то воровская раскрепощенность и пиратская лихость, которая заставляла даже матерых каторжан считаться с их мнением. На зонах матросы отличались редкой сплоченностью, не свойственной другим заключенным. Всякого, кто носил тельняшку, называли «братком». Уркаам памятли были дни, когда матросы вырезали целые бараки блатных за то, что кто-то из них бесчестил по матушке «сынов революции».

Позже многие из бывших матросов растворились в воровской среде, возглавили бандитские шайки и стали авторитетнейшими уркачами. Тельняшка же превратилась в один из атрибутов воровской доблести...

– Товарищ Веселовский, с вами еще три бойца войдут, – заглянул в дверь начальник тюрьмы.

– Оставь их при себе, они мне без надобности. Или ты думаешь, что балтиец не сумеет справиться с единственным зэком? – неодобрительно хмыкнул Веселовский.

– Нет, товарищ Веселовский, я так не думаю, но все-таки... Собак задавил, а потом бойцы, – кивнул он на распластанные тела.

– У меня к тебе есть одна просьба, Марусев! – оборвал его Веселовский.

– Слушаю вас. – Начальник тюрьмы всем своим видом изобразил напряженное внимание.

– Запри нас покрепче и никого не впускай, что бы ни случилось.

– Да как же можно? Он же смертник!

– А вот так! Если я говорю, значит, можно, – резко сказал Веселовский.

Тимофей невольно улыбнулся. Этот разговор чем-то напоминал ему разговор авторитетного уркагана с рядовым сивкой. «Худшего уже не будет», – подумал Тимофей. Ему определенно нравился этот начальник в тельняшке и с замашками солидного уркагана.

– Слушаюсь! – наконец-то сдался начальник тюрьмы. – Ежели что, мы здесь!

Дверь, скрипя петлями, затворилась за вошедшим. Через мгновение злорадно щелкнул замок, оставив Веселовского наедине с приговоренным.

– Я-то думал, что к богатырю захожу, а ты и ростом-то не особенно вышел. Но вижу, что силой не обижен. Как это ты их всех? – кивнул Веселовский на лежавшие вокруг трупы.

– Не знаю, сам удивляюсь, – честно признался Тимофей. – Просто жить очень хотелось.

– Это очень хорошо, что жить хочется, – одобрительно кивнул Веселовский. – Меня зовут Герман Юрьевич. – Он перешагнул через раскинутые руки красноармейца и протянул широкую ладонь. – Будем знакомы... Да ты брось оружие-то! Или боишься меня? Четверых не испугался, а меня одного боишься?

Помедлив, Тимофей разжал пальцы, и винтовка с лязгом упала на залитый кровью бетонный пол. Тимофей осторожно протянул руку для пожатия. Ладонь у Веселовского оказалась крепкой, мужицкой, как будто он всю жизнь работал кувалдой или топором.

– Так, значит, говоришь, жить хочешь...

– Хочу, – кивнул Тимофей.

– Ну что же, именно от меня и зависит, увидишь ты завтрашний рассвет или нет... Имею к тебе предложение.

– Мне ничего не остается делать, как выслушать, – спокойно отозвался Тимофей.

Голос у Веселовского был негромкий, но завораживал своей твердостью и четкостью, и Тимофей почувствовал себя совершенно беззащитным перед этим внешне непримечательным, но, видимо, очень волевым человеком. Нечто подобное ощущает кролик, услышав шипение змеи.

– Есть у нас на Полярном Урале, на одном небольшом полуострове, лагерь, где мы собрали уголовный сброд со всей России. Поселочек называется Печорск. Тамошняя охрана не справляется с зэками – распустились урки, режут друг друга, насилюют... Так вот, мы бы хотели, чтобы ты помог нам установить там порядок. Как бы изнутри... Такое дело как раз для твоего характера будет. Ну как, возьмешься?

Тимофей не удивился бы, если б Веселовский рассказал ему о своем уголовном прошлом и, задрав тельняшку до горла, показал бы авторитетную наколку на груди. Если придется с таким мужиком в одной упряжке работать, то почему бы и не согласиться?

– Согласен!

– Ну вот и сладили. Молодец. Но хочу тебя предупредить, чтобы наш уговор остался между нами.

– Я не против, – понимающе кивнул бывший смертник.

– У меня в кармане мандат, который дает мне широчайшие полномочия, – продолжал Веселовский. – Если мы с тобой сработаемся, то ты не только уцелеешь, но и сможешь скоро выйти на волю. Тебе все понятно?

– Да.

– Так вот, сегодня у тебя начинается новая жизнь, парень. А к ней положена и новая фамилия. Какая у тебя была прежняя?

– Никакой. Я ведь из беспризорников, а у нас клички. Моя – Удача.

– Вот как. А пальцы ты где свои потерял? – показал Веселовский взглядом на забинтованную кисть.

– Долго рассказывать. Наказали...

– Понимаю. Ну, тогда отныне твоя фамилия будет Беспалый. Устраивает?

Тимофей невольно усмехнулся:

– Сгодится. Может, со временем привыкну.

– Сегодня ты еще будешь здесь, а завтра тебя отправят по этапу. Готовься. – И Веселовский стукнул кулаком в дверь. – Эй, Марусев, отворяй! Или ты меня навсегда решил здесь запереть? Для меня даже полчаса заточения – это уже слишком!

Дверь отворилась, и Тимофей вновь увидел взволнованное лицо начальника тюрьмы.

– Герман Юрьевич, и рассказать невозможно, что я пережил за эти минуты! А если бы он, изверг, надумал порешить вас?!

– Нормальный парень, не знаю, почему вы вдруг не поладили...

– Так ведь приказ!

– Завтра заключенный поступает в мое распоряжение, – не обращая внимания на слова начальника тюрьмы, бросил Веселовский и, не оборачиваясь, вышел из камеры.

Веселовский не обманул – уже на следующий день Тимофей Егорович Беспалый вместе с четырьмя десятками заключенных и новеньким паспортом, вложенным в папку с его делом, отбыл в товарном вагоне в северные края.

Глава 6

ВОРОВСКАЯ ЛЮБОВЬ

Заки Зайдулла захмелел.

Спирт у начальника был жгуч и располагал к обстоятельному разговору. Как бы там ни было, но повидать Тимофея после долгой разлуки ему было интересно. Незримая нить связывала их всю жизнь.

– Ты так и не женился, Зайдулла? Ты же мусульманин, и Коран тебе разрешает иметь не одну, а четыре жены! – хохотнул Беспалый. – Я бы на твоём месте не терялся! Или ты все еще верен той своей зазнобе с Сивцева Вражка?

– Дело в том, что ты никогда не будешь на моем месте, – веско оборвал его Заки. – Или ты забыл, как нас разделила колючая проволока?

* * *

Заки не обошла любовь, и память о ней он сумел сберечь до самой старости. Правда, если он пытался поведать кому-нибудь в минуты откровенности о своей любви, то сбивался на обычный сентиментальный рассказ о красивой молодке с пшеничными локонами.

Чаще всего вору знакомятся с будущими подругами на хазах, где, отмечая удачное завершение трудового дня, расслабляются водочкой, а заодно строят планы на ближайшее время. Женщин на хазах хватает. Как правило, это перекупщицы краденого или наводчицы, явившиеся за своей долей, реже – подруги воров. Многие девки приходили за компанию со своими сестрами – молодые, наивные, они тарасили глаза на все, что происходило вокруг них, а лакомые яства на широких столах для них были такой же невидалью, как бальное платье императрицы. Шумное застолье не вписывалось в их серые повседневные будни, и страшно было подумать, что этот праздник закончится, как только шагнешь за порог малины.

У Заки Зайдуллы случилось все по-иному. Свою первую любовь Мулла встретил во время квартирной кражи в Сивцевом Вражке. Тогда ему едва перевалило за двадцать, но он уже считался опытным вором, а пятнадцатилетняя шантрапа смотрела на него как на учителя и готова была называть по имени-отчеству.

Среди московских воров Зайдулла числился опытным карманником, однако каждый из них знал, что при случае он может пойти и на квартирную кражу. Для него это было всего лишь сменой блюд, а не жаждой наживы. Возможно, в ремесле домушника его привлекала острая приправа риска, которая здесь значительно больше, чем во всяком другом воровском промысле. Но по квартирам Мулла работал всегда наверняка, зная, что упакована она добром от пола до потолка. Он не терпел случайностей и вставлял отмычку в замок лишь в том случае, если был уверен, что хозяин не явится в разгар работы и не помешает укладыванию вещичек в сумки.

Заки часто вспоминал начало того рокового дня. Неделя обещала быть дурной: порвался его любимый шамаил, на котором красивой арабской вязью было выведено изречение из Корана. Однако отказаться от заранее намеченной квартирной кражи Мулла не посмел и, повернувшись в сторону священной земли, прочитал молитву. Даже находясь в доме и собирая дорогие вещи, он не забывал Аллаха и негромко произносил его красивые имена. А подельники, зная о набожности Зайдуллы, не одергивали парня, полагая, что он печется и об их благополучии. В то, что его молитвы дошли до Аллаха, Зайдулла поверил тогда, когда меховые шубы были аккуратно уложены в огромные чемоданы, золото рассовано по карманам, а его

подельник, красивый светловолосый парень лет двадцати восьми со странной кличкой Туча, уже собрался открыть дверь, чтобы тихонько выскользнуть на лестничную площадку.

Это случилось в тот самый момент, когда Зайдулла облегченно перевел дух и пристыдил себя за неуместное волнение, которое подельник мог принять за трусость.

Дверь отворилась, и в прихожую вошла хозяйка. Она была на сносях, живот огромным шаром выпирал из-под тонкого цветастого платья. Женщина заслонила весь проход, словно страж, вставший на пути злоумышленников. Чтобы вырваться из квартиры, нужно было вжаться в стену и прошмыгнуть мимо нее к выходу.

– Ой, кто это?! – неожиданно тонким голосом выкрикнула хозяйка. Ворам стало ясно, что перед ними не грозный страж, готовый за собственное добро придушить голыми руками любого, а обыкновенная бабенка, которая вот-вот родит с перепугу на пороге собственной квартиры.

– Тихо, сучка, – негромко произнес Туча, – если вопить начнешь, размажем тебя по стенке... А теперь отойди, чтобы я твое брюхо ненароком локтем не зацепил.

Женщина была совсем молодой – от силы лет двадцать, и Зайдулла был уверен, что она проклинает в этот миг не только воров, выпотрошивших до основания ее гардероб, но и себя – за то, что явилась домой в неурочный час.

– Сейчас, сейчас. – Она предприняла неловкую попытку посторониться. – Только не убивайте меня!

– Вопить не будешь, дура, тогда останешься жить, – серьезно пообещал Туча и подхватил чемоданы с добром. – Ну что стоишь, двигай за мной, или тебе баба приглянулась? А то, может, на ночь с ней решил остаться? – Туча беззлобно оскалился, показывая ровный ряд зубов.

Женщина словно стала меньше ростом: как-то сгорбилась, втянула голову в плечи, а потом вдруг застонала и медленно, поддерживая руками огромный живот, опустилась на пол.

– Рожает! – ахнул Зайдулла.

– Ну чего встал, дурень, дверь открой, не видишь, что ли, я чемоданы держу?! – рявкнул Туча. – Сейчас она такой вой поднимет, что вся округа сбежится. Или ты в акушеры решил податься?

Женщине уже были безразличны стоявшие рядом грабители, не беспокоили чемоданы с дорогим добром, ее волновала лишь хрупкая жизнь, которая билась в ее чреве, и она, не стыдясь присутствия чужих мужчин, завалилась на пол, расставив ноги.

– Ой, Аллах! – выдохнул Заки.

Он открыл дверь, и Туча, громынув ребром чемодана о косяк, быстро выскользнул наружу. А еще через секунду Мулла услышал торопливый топот его ног на лестнице.

– Господи! Господи! – стонала женщина. – Ой, не могу! Рожаю! Врача...

Вор посмотрел в бледное лицо женщины и произнес:

– Потерпи! – Он осторожно поднял ее на руки и понес на кровать. Женщина показалась ему невероятно тяжелой, и он думал только о том, чтобы не грохнуться с ней на пол среди разбросанного тряпья. – Потерпи, осталось немного.

– Ой, больно! – пожаловалась роженица Мулле, как родному. – У меня ведь воды отошли.

– Потерпи, я сейчас!

Спотыкаясь о разбросанные вещи, Заки выскочил на лестничную площадку.

– Баба рожает! – Он принялся стучать в двери. – Да отзовитесь кто-нибудь, помрет ведь!

Заки не сразу заметил на лестнице девушку лет семнадцати. Ее каблуки беспечно и быстро стучали по кафельным плитам. Девушка явно направлялась в квартиру к роженице.

– Где она?!

– Там, в комнате... Я ее положил на кровать. Она уже и кричать не может – боюсь, помрет! – оправдывался Мулла.

Зайдулла подумал, что теперь самое время смыться, но девушка неожиданно окликнула его:

– Молодой человек, вызовите перевозку, немедленно! Роддом тут недалеко, на Арбате. А я пока с сестрой побуду.

Мулла нерешительно топтался у порога, мучительно соображая, как следует поступить. Правильнее всего было бы захлопнуть за собой дверь и бежать прочь, не разбирая дороги, но девушка, строго посмотрев на него, добавила:

– Ну что же вы стоите?! Скорее!

Заки Зайдулла всегда побаивался красивых девок. Было в их внешности что-то мистическое, бесовское, гипнотическое. Такие крутили мужиками с легкостью шулеров, тасующих крапленые карты. Не случайно во главе уголовных банд часто становились писанные красавицы, которым больше пристало бы учиться в институте благородных девиц, чем заправлять воровскими малинами.

Едва девушка открыла рот, как Мулла осознал, что попал под влияние колдовских глаз красавицы, и ноги, вопреки его воле, сами вынесли Муллу на улицу, которая встретила его деловым гулом и оставалась бесчувственной к его воровской неудаче, да и к роженице, задыхающейся от крика.

Заки огляделся. Подельника Тучи уже и след простыл. Магия бездонных глаз незнакомки была настолько велика, что если бы даже Заки захотел уйти, то у него все равно не хватило бы на это духу. Он отыскал нужный дом на Арбате и приник к окошку приемного покоя:

– Баба рожает! Приезжайте быстрее, иначе помрет!

– Адрес! – Строгая санитарка взяла ручку.

Мулла заученно отчеканил название переулка, номер дома и квартиры, а потом рванул обратно в Сивцев Вражек и встал за углом дома.

Ждать пришлось недолго. Уже через несколько минут к подъезду подкатила машина «Скорой помощи». Из глубины двора Мулла наблюдал за тем, как из машины вышли мужчина и женщина в белых халатах и поспешили к роженице.

Минут пять было тихо, а потом из дома выбежал врач и закричал оставшемуся за рулем шоферу:

– Рожает! На лестнице остановились, не донесем! Спирт давай, хоть руки ополоснем!

Взяв протянутую бутылку со спиртом, врач бегом вернулся в подъезд.

Зайдулла закурил. Вдруг он поймал себя на незнакомом доселе ощущении – он всерьез волновался за женщину, которую всего лишь час назад обокрал, а вот теперь с нетерпением ждал, чем завершится вся эта история.

Шофер застыл у дверей, точно воин в дозоре, и отгонял всякого, кто желал проникнуть в дом:

– Обождите малость, там баба рожает на лестнице...

Жильцы недоуменно пожимали плечами – с каких это пор лестница превратилась в акушерскую? – однако послушаться никто не смел. Люди терпеливо толпились во дворе, ожидая разрешения войти.

И вот из-за полуоткрытой двери раздался неуверенный хлипкий детский крик. Мулла бросил под ноги недокуренную папиросу, тщательно растер окурочком носком ботинка и, облегченно вздохнув, пошел прочь. Обернувшись, он заметил, что недалеко от подъезда лежит брошенный Тучей тюк с вещами, но, подумав, забирать его не стал. Подозвав к себе какого-то мальчугана, Заки дал ему гривенник и сказал, чтобы он отнес тюк в квартиру на третьем этаже. Заки решил, что это будет неплохим подарком роженице от квартирного вора.

Вечером, явившись на хазу, Мулла не без удивления обнаружил, что воры уже знают о случившемся. Его наперебой просили рассказать, каково ему было принимать роды. А некоторые не без ехидства говорили о том, что руки вора-карманника мало чем отличаются от уме-

лых рук акушера и, возможно, Зайдулле пришло время поменять воровскую специальность на медицинскую.

Зайдулла обижаться не стал и смеялся вместе со всеми. Единственное, о чем не знали воры, так это о девушке, которую он встретил на лестнице. Даже здесь, в окружении подельников и друганов, он ощущал над собой власть незнакомки и знал, что ему нужно будет непременно вернуться туда, дабы попытаться освободиться от ее колдовских чар.

На место своей последней кражи Заки пришел через три дня. Он долго собирался с духом, прежде чем позвонить в дверь, а когда наконец отважился, то сразу почувствовал себя кроликом, угодившим в силки.

Предчувствие подсказывало ему, что это не последний его визит в знакомую квартиру. Дверь открыла та самая девушка, что он повстречал на лестнице. Сейчас она показалась ему еще краше.

– Мне бы хотелось сказать... Я пришел... – Заки не находил слов. В домашнем халатике, простоволосая, она казалась ему еще более привлекательной, чем в первый раз, но вместе с тем еще менее доступной. Мулла уже жалел, что явился в этот дом, но противиться судьбе так же бесполезно, как пытаться преодолеть бурное течение горной реки. – Я бы хотел узнать, кто родился, мальчик или девочка? – наконец нашелся вор.

Девушка, не скрывая любопытства, внимательно разглядывала гостя.

– У Вероники родился сынишка, – сдержанно ответила она. Мулла обратил внимание на то, как музыкален ее голос. Впрочем, чему тут удивляться – у такой красавицы и голос должен быть особенный. – Вероника – моя сестра... А вы тот самый молодой человек, который вызвал перевозку?

– Да, – после некоторого раздумья отвечал Заки.

В свои двадцать лет он сполна нахлебался напрасных обид, познал суровую беспризорщину, прошел через четыре приюта, из которых всегда находил дорожку на волю. В тринадцатилетнем возрасте он познал первую женщину – рыхлотелю тридцатилетнюю проститутку Луизу, которая отдалась ему в подвале заброшенного дома на Солянке за полкило колбасы. Потом он неоднократно встречался с гулящими девками, преподавшими ему нехитрую науку любви, но сейчас он чувствовал, что безумно робеет перед этим невинным созданием и что краска смущения уже залила ему щеки, поползла к ушам и к шее.

– А правду мне сестра сказала, что ты... вор?

В глазах у девушки Заки разглядел любопытство, подобное любопытство можно увидеть только у молодой кошечки, наблюдающей за потугами полузадушенной мыши: поднимется или все-таки помрет, не добравшись до спасительной норы? Видно, инстинкт хищницы, дремавший до поры, подсказывал ей, что она имеет полную власть над оробевшим парнем, и сейчас барышня сполна наслаждалась этим.

А Заки, застигнутый врасплох ее откровенным вопросом, взирал на девушку своими жгучими черными глазами, и в его взгляде смешались любопытство, робость и желание.

– Так ты вор? – настаивала девушка.

В любой другой ситуации Заки ответил бы на этот вопрос с гордостью, какая может быть свойственна только орденосцам, нацепившим на выходной пиджак заслуженную награду, но сейчас не мог подобрать нужного слова.

– Это правда, что ты нас ограбил? – поставила она вопрос несколько иначе.

Девушка продолжала тарашить на него свои наивные глазищи. Она спрашивала с упрямством малолетнего ребенка, желающего во что бы то ни стало получить ответ на интересующий его вопрос.

Мулла поежился под ее пристальным взглядом и откровенно ответил:

– Да... Правда.

Реакция девушки была совершенно неожиданной.

– Как интересно! Раньше я никогда не видела настоящих воров, – удивленно выкрикнула она.

И Заки, глядя в восторженные глаза девушки, почувствовал себя совсем пропащим.

– Что же тут интересного? – Мулла нахмурился. Теперь он понимал, что ее зеленые глаза – это тряпина, куда он шагнул по недоразумению и теперь увяз окончательно. – Так сложилась моя судьба... Я ведь из беспризорников.

– Ольга, кто там? – раздался из глубины квартиры мужской голос.

Такой командный бас чаще всего принадлежит большим начальникам.

– Это мой институтский товарищ, папа! – солгало ангельское создание с зелеными глазами. – Он пришел узнать расписание занятий на завтра.

– Так пригласи его в дом, пусть войдет! Что же ты человека у порога держишь?

Мулла вдруг с ужасом подумал о том, что никак не сможет сойти за студента. Вот будет номер, если он встретит в этой квартире одного из кумов колонии, где проходил воровскую стажировку.

– Я пойду, – сказал он, понизив голос. – Мне бы хотелось... с вами встретиться, – нашел он наконец нужные слова и вновь окунулся в омут ее глаз.

– Хорошо. Давай завтра встретимся около университета на Моховой. В четыре часа у меня как раз заканчиваются занятия...

Его отношения с Ольгой развивались бурно. Может быть, это происходило оттого, что в ее натуре присутствовала авантюрная жилка, которую Мулла распознал уже при первой встрече. Узнав Ольгу поближе, он понял, что, родись она в другой семье, из нее, возможно, получилась бы хорошая воровская подруга.

Заки и раньше был щедрым и не знал удержу в застолье, а с появлением Ольги и вовсе перестал вести счет деньгам. Весь свой воровской заработок он тратил на новую подругу. Заки удивлял Ольгу дорогими ресторанами и невиданными яствами, заказывал в цветочных магазинах охапки цветов. Не раз он удивлял прохожих зрелищем, когда следом за молодой парой шла целая дюжина пацанов с цветами в руках. Мулла будто бы сам увидел себя с новой стороны: он был способен на поступки, которых никак не ожидал от себя, – к примеру, часами простаивал около университета до тех пор, пока наконец не появлялась его возлюбленная.

Удивительным в их отношениях было то, что они никогда не говорили об основном занятии Заки. Мулле казалось, что Ольга принимает его таким, каков он есть.

Однажды в постели она пожаловалась ему, что у нее старые часы. Правда, отец обещал подарить ей на день рождения новые.

Заки улыбнулся:

– Зачем же ждать несколько месяцев! Часы можно получить прямо сейчас!

– Так сейчас же вечер, магазины закрыты, – смеясь, заметила Ольга.

– Тебя это не должно волновать. Одевайся, пойдем прогуляемся! – загадочно улыбнулся Заки.

Молодые люди оделись и вышли на улицу. Теплый июльский вечер уже превратился в темную безлунную ночь. Редкие фонари освещали пустынный переулок. Они пошли к бульвару.

– Обожди меня здесь, – шепнул вор Ольге на ухо, усадив ее на скамейку.

Ждать ей пришлось недолго: уже через несколько минут он вернулся, держа в руке золотые часики.

– Тебе нравятся эти часы? – радостно спросил Заки.

– Золотые... Господи! Где ты взял эту прелесть?

– Тебя не должно это волновать. Надевай! – торжественно объявил он.

– Но они же ворованные! – воспротивилась Ольга.

– А тебе-то какая разница? Дареному коню в зубы не смотрят.

– Я их не надену! – упрямо заявила девушка.

– Вижу, что не понравились... – с неожиданным смирением согласился Заки. – Знаешь, мне тоже показалось, что они грубовато сработаны, вот и стрелки толстоваты. А потом, тут сбоку есть небольшая царапинка... Вот здесь. Видишь? Ты права, их надо выбросить. – И он швырнул часы в кусты, как если бы это был всего лишь камень.

– Что же ты делаешь?! – воскликнула Ольга.

– Не расстраивайся, я тебе принесу еще лучше! – уверенно пообещал вор. – Сиди и никуда не уходи! – И, не обращая внимания на протесты Ольги, вновь ушел в ночь.

Заки вернулся через полчаса – на сей раз он сжимал в руках по паре золотых часов.

– Выбери! Если тебе и эти не понравятся, тогда я не знаю, что тебе еще предложить.

– Мне не надо от тебя никаких часов, – строго объявила Ольга. – И вообще, мне от тебя ничего не надо!

– Ах, вот как?! – вспыхнул Заки и с силой швырнул часы в сторону. – А знаешь ли ты, что в «Яре» и в «Славянском базаре» мы с тобой пировали тоже на ворованные деньги, ведь я вор, или ты забыла?! Мне казалось, что ты меня принимаешь таким, каков я есть, – или ты думаешь обратить меня в свою веру? Так послушай меня, я не смогу быть таким, как ты! – все более горячился Мулла. – Я не только из другого теста, я еще и из другого мира. Что ты можешь знать о той жизни, о том, как я прожил свои двадцать лет? В этом мире девочки в четырнадцать лет становятся проститутками, а парни в пятнадцать – рецидивистами. Ты и тебе подобные привыкли сытно жрать и сладко спать. Уходи от меня, я не хочу тебя видеть!

Заки был готов к тому, что Ольга встанет и уйдет прочь. Сначала густая ночь размывает очертания ее фигурки, и белое платье будет виднеться в конце бульвара светлым пятном, а потом исчезнет и оно. Он знал, что первое время ему будет не хватать ее ласковых рук и жарких поцелуев, он высохнет от одиночества и тоски, во избавление от душевных мук станет пить и будет идти на неоправданный риск и как следствие – неминуемо окажется за решеткой, откуда вышел только прошлым летом. Ему будет не хватать ее белого, словно выточенного из итальянского мрамора, шелковистого тела.

За полгода их встреч Заки успел узнать Ольгу поближе и теперь понимал, что она далеко не та наивная девочка, какой показалась ему в их первую встречу. В искусстве любви она не уступала опытным проституткам с Тверской, вот только отдаваться предпочитала не в сырых подвалах, а на мягкой надушенной перине.

Ольга действительно была из другого и почти враждебного мира – непонятного, сытого и злого. И вела она себя с Заки как избалованная помещица с управляющим родового именина – могла накричать в сердцах, а то и выставить за дверь. Он был для нее диковинной игрушкой, которую можно показать любопытным подружкам, или комнатной собачкой, которую в зависимости от настроения можно отшлепать поводком или взять с собой в постель.

Теперь Заки понимал, что Ольга всего лишь снисходила к нему. Нечто подобное делали, наверное, императрицы Рима, когда, пренебрегая знатными поклонниками, отдавались карательным солдатам или кучерам в тупичках конюшен на куче слежавшегося навоза. Мимолетные романы с людьми из низших сословий всегда вносили в жизнь великосветских барышень элемент экзотики и пикантности. В какой-то степени это выглядело даже некоторым самопожертвованием.

Мулла знал, что если Ольга уйдет, то воспоминания о ней не будут светлыми. Скорее всего они станут напоминать могилу, поросшую сорняками. А если он и будет возвращаться к месту захоронения своей памяти, то уж совсем не для того, чтобы возложить величественный венок.

Заки вдруг ясно увидел, что Ольга избалована, кичлива, что она требует к себе постоянного внимания и ведет себя так, будто весь мир должен вращаться вокруг ее персоны. Мулла

понял, что ему нужна девушка попроще да поговорчивее, с которой можно не только откровенно поговорить, но и шутя шлепнуть пятерней по заднице.

Однако Ольга не ушла. Не говоря ни слова, она отыскала в кустах выброшенные часы и надела их на запястье.

– Если тебе это так нужно, то я могу не снимать их вообще!

Ольга сдержала слово. Даже в минуты их близости эти золотые часы оставались единственным предметом ее туалета. Однако после того случая на бульваре каждый из них вдруг осознал, что отношения между ними не так крепки, как им представлялось, и что они могут столь же стремительно расстаться, как некогда сошлись.

Мулла стал частым гостем в ее квартире. Всякий раз ему с трудом верилось, что всего лишь каких-то несколько месяцев назад он явился в этот дом, вооружившись «фомкой».

Однажды, не дождавшись Ольги около университета, Заки решил зайти к ней домой. На его робкий звонок дверь открыл ее отец – Аркадий Васильевич. Это был едва ли не первый случай, когда они столкнулись нос к носу. Несколько раз Заки видел его на улице, издали: Аркадий Васильевич вылезал из черного «Форда» и быстрым шагом направлялся в подъезд, важно поглядывая поверх голов прохожих. Он всегда одевался в костюмы коричневого цвета и одинакового фасона – пиджак с широкими, подбитыми ватой плечами и идеально отглаженные брюки. Казалось, Аркадий Васильевич постоянно носит один и тот же костюм, хотя это, конечно же, было не так. Внешне он напоминал заведующего провинциальным клубом, который способен волочиться за хорошенькими хористками. На самом деле он занимал один из ключевых постов в Наркомате иностранных дел. Из многочисленных заграничных командировок он привозил массу безделушек, которые заполняли в его квартире серванты и этажерки. Заки подозревал, что Аркадий Васильевич даже и не заметил отсутствия большинства украденных вещей.

– Дочери нет дома, – строго заметил Ольгин отец. – А ты проходи, не стесняйся, Оля скоро должна подойти. – Мулла хотел было отказаться, сославшись на занятость, но Аркадий Васильевич, ухватив гостя за руку, втянул его в коридор. Заки невольно подумал, что, если бы он повстречался с хозяином во время той памятной квартирной кражи, ему вряд ли удалось бы вырваться из таких лап. – Я давно хотел с тобой поговорить... Мулла, – посмотрел он жестко в глаза Заки. – Ты удивлен? Я знаю о тебе куда больше, чем ты полагаешь. Или ты решил, что мне все равно, с кем встречается моя дочь? А ты хорош! В таких, как ты, Мулла, бабы влюбляются без оглядки. К твоей внешности подошла бы кличка Чингисхан. – Аркадий Васильевич сделал паузу. – И все-таки, Заки, ты недостаточно свят для моей дочери!

– Что вы этим хотите сказать?

У Заки заколотилось сердце. Теперь он с особой отчетливостью осознал, что совершил ошибку, когда вернулся, чтобы помочь роженице. У воров на этот счет существует примета – никогда не возвращаться на место кражи, пусть даже удачной. Такое возвращение приносит несчастье – и теперь примета сполна оправдывалась.

– Ты меня удивляешь, Заки. Я думал, что ты толковый парень, – разочарованно процедил Аркадий Васильевич. – Или ты меня держишь... Как это на вашем языке... За фраера? – Голос Ольгиного папаши крепчал, и в нем зазвенели стальные нотки. – Что ты о себе возомнил, пацан? Да я таких, как ты, к стенке ставил!

Тут Аркадий Васильевич сунул руку в тумбочку, вытащил из нее «наган» и, наставив его на Муллу, сдернул трубку с черного телефонного аппарата, висевшего на стене у входной двери. Злобно бросил в нее:

– Соедините со спецотделом НКВД! – И через несколько секунд грозно приказал кому-то невидимому: – Это Фетюшин из первого управления Наркоминдела... Да... Срочно вышлите наряд на Сивцев Вражек, шестнадцать. Ко второму подъезду. Пойман опасный грабитель... Да, лично задержал, проник ко мне в дом!

Тогда Заки еще не знал, что впереди его ожидала жизнь вечного зэка.

Глава 7 НЕЖДАННЫЙ ВИЗИТ

Ожидаемый, но все-таки неожиданный и коварный арест Варяга, когда он, считай, одной ногой уже был за границей, нанес серьезный удар воровскому сообществу. Мало того, что в последнее время среди воров начались серьезные непонятки, а короче говоря, трения, готовые в любую минуту обернуться настоящей криминальной войной, так еще и смотрящего арестовали.

Последствия дефолта, потрясшего экономику всей страны, сказывались и на теневой экономике. Многие дельцы, исправно отстегивающие в общак, разорились, их бизнес пошел ко дну, и, похоже, навсегда. А с новыми деловарами договориться было трудно – они окружили себя непробиваемой охраной, создавали чуть ли не воинские подразделения, свирепо охранявшие их бизнес. Многие, даже из тех, что помельче, наотрез отказывались быть безропотными терпилами. Таких следовало поучить, а это редко обходилось без крови и перестрелок. В общем, лишнего шума хватало. Шум этот шибко не нравился милицейскому начальству, а что еще хуже – всесильной конторе. После каждого серьезного наезда на бизнесменов в министерских кабинетах под многими чинами начинали трещать стулья, рушились годами выстраиваемые карьеры, лопались безупречные репутации.

Естественно, что силовики после этого рыли землю носом, чтобы упрятать зарвавшихся авторитетов за решетку. По стране прокатывался вал антикриминальных операций, шмонали малины, в ряды криминала засылали «кротов», которые с потрохами сдавали целые группировки. Разваливались прежде могучие криминальные империи.

Разумеется, в такой нестабильной обстановке трещала по швам и теневая экономика, обрывались налаженные связи, под ударом оказывалось самое святое – общак. А это значило, что на зоны не шел достойный грев, авторитетные зэки чалились в крытках и на зонах наравне с мелкими сывками. Не хватало денег на адвокатов, которые своим мудреным крючкотворным искусством частенько вытаскивали воров из, казалось бы, безнадежных ситуаций. Не хватало башлей и на «неподкупных» судей, на хозяев таежных зон, даже на мелких вертухаев, в чьих силах было значительно облегчить участь узников.

Перед всеми этими проблемами Егор Сергеевич Нестеренко оказался после ареста Варяга чуть ли не один. Разумеется, были у него надежные помощники, имелись и свои люди на кое-каких ключевых постах, да и на многих воровских генералов он еще мог найти управу, заставить их отложить оружие, направленное на своих же братьев, и взяться за укрепление криминальной империи. Но без Варяга старику было трудно. Многие дела были завязаны именно на смотрящем России. Он держал под своим неусыпным контролем тайные финансовые потоки, ему ведомы были каналы, по которым на зоны шел грев, он владел номерами счетов, на которых хранился общак. Да и сама легендарная фигура Варяга, его незыблемый авторитет и достоинство, его энергия и святое соблюдение им воровских традиций привносили в беспокойное воровское сообщество столь необходимую сейчас стабилизацию и надежность. Варяга катастрофически не хватало.

Егор Сергеевич вздохнул, словно очнувшись от невеселых мыслей. Ничего, Владислав парень крепкий, проверенный в самых немислимых переделках. Выдержит и сейчас. Немного времени – и Варяг будет на свободе. Он – Егор Нестеренко – позаботится об этом. А пока следовало найти и наказать того, кто выдал смотрящего...

Нестеренко нажал на кнопку звонка. В дверях кабинета мгновенно возникла широкоплечая фигура охранника.

– Пусть войдет, – коротко распорядился Нестеренко.

Телхранитель кивнул и так же бесшумно, как и возник, растворился в дверном проеме.

В кабинет Нестеренко неуверенно вошел Тарантул. Было заметно, что он волнуется и пытается скрыть это.

– Садитесь... эээ... Константин Игоревич, – припомнил имя начальника охраны Варяга Нестеренко. – У меня к вам, как вы сами понимаете, серьезный разговор.

Тарантул дернулся, хотел было что-то сказать, но промолчал, остановленный повелительным жестом Нестеренко.

– Надеюсь, вы понимаете, что допустили непростительный прокол. Даже за меньшее люди теряют голову. Но мы учли кое-какие обстоятельства, свидетельствующие в вашу пользу, и даем вам шанс... – Нестеренко помолчал, задумчиво барабанил пальцами по столу. Тарантул, вытянувшись перед ним, боялся шевельнуться. – Вам необходимо в кратчайшее время найти предателя и устранить его.

Тарантул судорожно сглотнул и сбивчиво заговорил:

– Егор Сергеевич, мы уже вычислили гада и... – Он умолк, вновь остановленный нетерпеливым жестом Нестеренко.

– Подробности меня не интересуют, – сухо заметил Егор Сергеевич. – После того как предатель будет... э-э-э... наказан, вы самым тщательным образом проверите всех своих людей. Смотрите каждого на просвет. Владислав Геннадьевич в самом скором времени опять будет с нами, и мне не нужно, чтобы история повторилась. После исполнения сообщите об этом моему помощнику. Вы знаете, как это сделать. Больше я вас не задерживаю.

Тарантул беспомощно развел руками, скованно кивнул и торопливо вышел.

Егор Сергеевич, сутулясь больше обычного, подошел к окну. По стеклу уныло барабанил дождь. Мыслями Нестеренко сейчас был со своим любимым учеником.

* * *

Была почти полночь, когда в дверь позвонили.

Поздних визитов Серый не выносил – от них всегда веяло непредсказуемостью и очень часто большими неприятностями. Он даже ловил себя на том, что вечерами вздрагивает от топота на лестничной площадке. Впрочем, от такой работы, какая у него, свихнуться можно в два счета.

Серый подошел к двери:

– Кто там?

– Открывай, Сережа, это Константин Игоревич, – услышал он вполне доброжелательный голос Тарантула.

Внутри от неприятного предчувствия похолодело. Тарантул никогда не наведывался в гости, предпочитал назначать место встречи по телефону. А тут такой сюрприз! Будь он неладен... И попробуй не открыть! Вышибут дверь, не задумываясь.

После ареста Варяга Серый хотел сразу исчезнуть, даже отключил мобильник, отрезая прежние контакты. Собственно, возить ему больше было некого, а потому он считал себя не при делах.

– Сейчас, – как можно более нейтральным голосом отозвался Сергей.

Вместе с Тарантулом в комнату вошли еще трое. Прежде Серый их не встречал. Парни по-хозяйски расположились за столом, и ему это не понравилось. Один из них, верткий, словно угорь, принялся рассматривать антикварные часы, причем вертел их так неловко, что того и гляди мог выронить на пол.

– Что-то тебя, Серый, в последнее время совсем не видно.

– Захандрил малость, – отвечал Серый, устраиваясь в кресле и стараясь держать себя свободно, – как-то не по себе было.

Тарантул довольно улыбнулся:

– Значит, мы вовремя заявили, хоть тоску твою развеем. А то ты от переживаний совсем загнуться можешь.

Парни, сидящие за столом, снисходительно заулыбались. Ну, слава богу, хоть не терзали антиквариат. Как говорится, и на том спасибо!

– Признаюсь, я не ждал гостей. – Серый постарался сказать это как можно спокойнее. А вот голос слегка дрогнул. Подвел-таки, будь он проклят!

– Чего ты волнуешься-то? – удивленно спросил Тарантул. – Расслабься! Ведь не монстры же к тебе какие-нибудь пришли, а твои, можно сказать, сослуживцы... А потом, у меня к тебе разговор имеется. – Тарантул картинно поморщился. – Что же я у тебя хотел спросить? Памяти совершенно не стало, – горестно пожаловался он и, повернувшись к кривовато ухмыляющимся парням, спросил: – Братва, вы не помните, о чем?

– Как же не помнить, Тарантул? – отозвался один из них, тот самый, что несколько минут назад рассматривал антикварные часы. – Хотели спросить, почему это он вдруг Варяга конторе зашухарил?

Тарантул слегка стукнул себя ладонью по лбу и произнес:

– Верно! Чего же ты молчишь, друг наш ситный? Отвечай, мы ждем. Или ты предпочитаешь, чтобы мы тянули из тебя слова клещами?

Серый побледнел:

– Константин Игоревич... Я не при делах, оговорила какая-то падла!

– Доказательств ждешь? Растолкуй, – повернулся Тарантул к верткому парню.

– Капорник он! На Кутузовском нарисовался, – кивнул тот на Серого. – С одним опером кони наводил. Чего-то соловьем ему напевал. А того типа из конторы я знаю отлично, он меня в свое время колоть пытался.

– Что ты скажешь на это? – Голос Тарантула сделался суровее.

– Ах, вот вы о ком... Это мой земляк... Кантовались вместе в детстве, еще пацанами. А тут повстречались случайно.

– Чего ты здесь фуфло задуваешь! – зло вскинулся вертлявый.

Тарантулу достаточно было на него посмотреть, чтобы заставить умолкнуть.

– Что же ты раньше о таких знакомых не рассказывал? Нас ведь все интересует.

– Не знал, как расцените... Мало ли чего. Да и забыл... Случайно встретились.

– Вот видишь, как неловко получается... Теперь тебя гасить надо. По полной программе!

– Константин Игоревич... – попытался подняться Серый.

– Сидеть! О том, что Варяг улетает, знали всего лишь три человека... Я, ты и сам Варяг. Разумеется, я не в счет. Остаешься ты!

Серый судорожно сглотнул.

– Насели они на меня, падлы. Старые дела раскопали, а там я на мокрухе завязан. Мне лет пятнадцать точно светило. А он говорит, мол, закроем. Ты только рассказывай все, мол, для оперативной обстановки. Клянусь, Тарантул, он обещал никого не трогать. А мне такой срок мотать не хочется. Я жить хочу, жениться собрался... Простите, братаны!..

– Сколько они тебе платили?

– По тысяче «зеленью». В последний раз, правда, только половину заплатили... Да мне их деньги не нужны... Мне свобода дороже. Хотите, я вас на него выведу, а, кореша?..

Хлопнув ладонями по коленям, Тарантул поднялся:

– Ладно... Пора идти. Дел сегодня много. Киньте этой твари хомут на шею, да чтобы все по-тихому было.

Серый попытался вскочить. Вертлявый оказался попроворнее – ударом ноги он вышиб из-под него стул, и Сергей, разбивая о край стола лицо, полетел в угол комнаты. Двое других уже оседлали его и выворачивали руки. Серый затравленно взвыл, но тотчас его крик захлеб-

нулся – удавка захлестнула горло. Он харкнул разок, другой и, мелко засучив ногами, вытянулся.

– Кажись, готов, – удовлетворенно протянул вертлявый. – Извини, не получилось потихому... Может, поджечь, чтобы понатуральнее было?

– Ничего, пускай так тухнет, – великодушно разрешил Тарантул, бросив через плечо взгляд на покойного. И, заметив, как вертлявый смахнул со стола дорогие антикварные часы, зло прошипел: – Оставь котлы!

Вертлявый неохотно поставил часы на прежнее место.

– А чего добру-то пропадать?

– Не хватало еще, чтобы из-за твоей дурусти нам засыпаться! Все, поехали! Нечего засиживаться. Ах да, чуть не забыл. – Тарантул вытащил стопку долларов, отсчитал ровно пятьсот. Вернувшись, он сунул их в открытый рот Серого и зло сказал: – Жри, тварь! Здесь как раз половина!

* * *

Варяг не знал, куда его везут. Похоже было на то, что об этом не догадывались и пятеро офицеров МВД, составлявших его охранное сопровождение. Это было заметно по их унылым физиономиям. Видимо, начальство не поставило их в известность. Короткий состав, в котором везли осужденного, почти полностью был опломбирован и напоминал литерный эшелон, в котором перевозят сверхсекретную военную технику: днем его загоняли на запасной путь, подступы к которому охранял взвод солдат, а ночью, наверстывая упущенное время, эшелон мчался на предельной скорости.

И только на десятый день пути все прояснилось.

Начальник караула, седой майор предпенсионного возраста, которого Варяг называл просто Ефимыч, по секрету поведал Варягу, что везут его в знаменитую сучью зону к подполковнику Беспалому. Когда он произнес фамилию начальника колонии, его голос уважительно понизился на полтона.

Этот секрет Ефимыч выдал небескорыстно – он почти заискивал перед именитым клиентом. Дело было в том, что его племянник находился под следствием за разбой и совсем скоро должен был состояться суд, племяннику светил верный «червонец». Статья у парня была авторитетная, но беда заключалась в том, что ментовских родственников эковская братия не жаловала, и в первые же дни пребывания на зоне племян Ефимыча мог запросто скатиться в касту опущенных.

Выслушав горький рассказ Ефимыча, Варяг обещал помочь его родственнику и сразу же отписал малявку, которая должна была стать для новичка некой охранной грамотой. Забавно, что маляву пустил по маршруту сам Ефимыч.

К новости о сучьей зоне Варяг отнесся почти равнодушно. Или сделал вид, что ему все равно.

– Где мне только не приходилось бывать, – заметил он бесцветным голосом, – сидел я не однажды в российских воровских зонах, так почему не побывать в сучьей зоне и не посмотреть, что же это такое.

Владислав был готов к тому, что его закроют на долгие годы в крытке или месяцами будут переводить из одной зоны в другую, подолгу задерживая на каждой пересылке.

Но к чему он не был готов, так это к сучьей зоне: худшего наказания для вора придумать было трудно.

Все зоны Советского Союза еще со времен НКВД делились на воровские и сучьи. И если в первых красный цвет был не в почете, то во вторых зэки, составляющие лагерную элиту, нашивали красные лоскуты себе на бушлаты.

Сучья идеология разъедающей раковой опухолью поразила крепкое тело старых воровских традиций, и в лагерях, где раньше пели «Мурку», зазвучали бравурные марши, прославляющие великую эпоху строительства коммунизма.

Воровские и сучьи зоны различались не только цветом. В воровских, как правило, царил порядок, базирующийся на авторитете паханов, а в сучьих зонах господствовал его величество кулак! Блатные, побывавшие в сучьих зонах, вспоминали о месте своей отсидки с особой неприязнью.

Сучьи зоны страшны были тем, что, как правило, там действовали порядки лагерной администрации, которая могла не только затравить неугодного ей отрицалу, но с помощью актива (или, как называли их осужденные, «козлов») уничтожить даже самых крупных авторитетов уголовного мира.

Некоторые законные, попав в сучью зону, уже через полгода оказывались обесцечены подрастающей шпаной, имеющей весьма смутное представление о настоящих авторитетах и правильных понятиях.

Сучьих зон боялись – они напоминали минное поле. Нужно было обладать невероятным чутьем и осторожностью, чтобы не угодить в ловушку. Частенько под неугодного авторитета подводили «косяк», после которого он мог оказаться не только в мужиках, но просто превратиться в шлак.

Страшны были сучьи зоны и «козлами», которые рвались на досрочное освобождение и готовы были выполнить любое желание администрации. Воров здесь старались перековать, всячески ломали и испытывали, но многие из них готовы были умереть в мучениях, но не отречься от своих убеждений.

Если и можно было как-то наказать Варяга, так это упрятать его в сучью зону. Об этом хорошо было известно тем, кто решал его судьбу в высоких кабинетах.

Глава 8 ПЕЧОРСКИЙ ЛАГЕРЬ

Тимофей Беспалый тоже выпил спирту. Заел его ломтиком сала, и память вновь унесла его в далекую молодость.

Печорский лагерь, куда перевели Тишку Удачу, и в самом деле оказался проклятым местом. Он стоял на большом каменном плато, окруженном вязкой болотиной. Территория зоны была обнесена несколькими рядами колючей проволоки, а вышки, расположенные по углам, напоминали исполинских часовых, застывших в карауле. Едва ли не единственным существом, проживавшим в этих местах, кроме унылых эков, был многочисленный гнус, что безжалостно атаковал изнывавших от сырости и холода заключенных.

Этим лагерем пугали эков всего Заполярья. Здесь был самый строгий режим, и именно сюда отправляли самых непокорных заключенных. Здесь хватало недели, чтобы понять истину: любой другой лагерь по сравнению с Печорским – санаторий. Значительную часть осужденных составляли побегушники, и лагерное начальство уповало на то, что раскинувшиеся вокруг бескрайние болота излечат заключенных от скверной привычки «слушать кукушку».

Тимофей скоро понял, что побег из Печорского лагеря практически невозможен и в девяти случаях из десятка караул даже и не пытается отыскивать беглеца. До ближайшего поселения надо было топтать пару сотен километров по непролазной топи. Если беглец сумеет все-таки их преодолеть и не погибнет от волчьих клыков, то его непременно прирежут местные охотники, которым лагерное начальство за два уха беглеца выдавало по три литра спирта. А потому коренное население охотилось за побегушниками с таким же рвением, с каким травило медведей-шатунов.

Но чаще всего беглецам не удавалось пройти даже и полусотни километров. Их белые кости, обглоданные песцами, можно было встретить в самых неожиданных местах: у ручья (кто-то решил напиться, прилег и от усталости не сумел подняться), в волчьей яме (провалился, а сил, чтобы выбраться, не осталось). Лишь изредка обнаруженного покойника погребали по христианскому обычаю, но вместо креста втыкали у ног обыкновенную палку с консервной жестянкой, на которой выцарапывалась кликуха усопшего. На машине в Печорский лагерь можно было добраться только в начале осени, когда мороз сковывал раскисшие тропы, а снег еще не заваливал дорогу могучей непроходимой толщей. Снег ложился на здешние сопки уже в конце сентября. А потому первый после летнего бездорожья этап всегда был скорым и многочисленным.

Об этом лагере среди заключенных ходило множество слухов. Из них трудно было понять, где правда, а где ложь. Достоверно знали одно: сюда загоняли наиболее ершистых и неуправляемых эков, от которых отказывалось начальство в других лагерях. В начале тридцатых годов в Печорском лагере эки подняли бунт, перерезали всю охрану и захватили власть на зоне на долгие пять летних месяцев. Когда к осени кончились съестные припасы, а большая часть эков безрассудно пустилась в бега, в лагерь по первому зимнику явился отряд НКВД и расстрелял почти всех заключенных, оставшихся в лагере и не сдавшихся по первому требованию прибывшего отряда. Поговаривали, что у восставших был план: по зиме заявиться с оружием на соседние зоны, освободить лагерников, а потом двинуться на «материк». Возможно, из этой акции что-нибудь и получилось бы, если б две враждующие группировки воров не вспомнили старые обиды и не принялись резать друг друга с хладнокровием мясников, разделывающих коровьи туши. Но то были дела минувшие, хотя даже и сейчас, значительно усилив охрану, лагерное начальство не чувствовало себя в полной безопасности и сам кум не всегда решался поворачиваться к эку спиной, опасаясь получить заточку между лопаток. Офицеры

зоны, обнимая своих жен на супружеском ложе, под подушкой всегда держали револьвер. Так, на всякий случай.

* * *

Колонна заключенных, растянувшаяся на добрых полторы сотни метров, вышла из-за сопки, поросшей светло-зеленым ягелем. Вдалеке этапники увидели караульные вышки, стены, густо обвитые мотками колючей проволоки.

Топавший во главе колонны комроты устало улыбнулся. Тимофей не сомневался, что в этот момент он подумал о бесконечном пути, оставшемся за спиной, и о кружке спирта, которым встретят его сослуживцы. Приумолкли даже псы: теперь их лай казался не столь яростным, а в кроваво-желтых глазах заметна была усталость. Наверняка у псов тоже имелась какая-то своя собачья мечта, и за видневшейся вдали колючей проволокой они чуяли теплую конуру и миску ароматной похлебки.

Колонна остановилась. Зэки, изнуренные долгой дорогой, тоже смотрели на клочок земли, огороженный колючей проволокой, едва ли не с радостью, надеясь в конце концов хоть как-то укрыться от осточертевшей мошки, спрятаться от морозящего дождя и немного восстановить силы.

Тимофей снова вспомнил свой разговор с Веселовским.

– Места там дрянь. Гиблые! – откровенно признавал тот. – Но если не сгниешь заживо в первые год-два, я тебя непременно оттуда вытащу. Твоя задача – завоевать доверие лагерников, но для этого тебе придется посидеть для начала в БУРе. Конечно, барак усиленного режима – не самое комфортное место, но зато это прибавит тебе авторитета. Хозяин лагеря в курсе, он тебя поддержит, когда потребуется.

Отдых продолжался недолго. Молодой охранник хрипло прокричал:

– Шаг вправо, шаг влево – расценивается как побег, прыжок на месте – провокация, будем стрелять без предупреждения! А теперь пошли!

Красноармейцы прекрасно понимали, что в колонне не найдется ни одного охотника ступить в сторону от дороги даже на полметра. Тот, кто осмелился нарушить приказ, оставался навсегда лежать на обочине еще в первой половине длиннющего северного каторжного тракта. Да и глупо было бежать именно сейчас, когда до зоны оставалось каких-то полтора километра, там ведь какие-никакие, но жильё и жратва.

Вместе со всеми зэками по суровому тракту топал и Тимофей Беспалый, стараясь не отстать от первого взвода. За время долгого пути он успел подробно изучить затылки своих соседей и больше знал их не по кличкам, а по ушам.

– А еще ты должен выявить всех саботажников, – внушал ему Веселовский. – Выявить и уничтожить! А ты чего думал?! Просто так, что ли, дается освобождение?

Собаки, будто бы вспомнив про свой служебный долг, озлобленно, с удвоенным рвением забегали вокруг колонны, заставив ряды заключенных сомкнуться теснее. Сырой северный ветер далеко разносил хриплый собачий лай по округе.

У ворот колонна остановилась. Словно не устояв под мощным порывом ветра, ворота распахнулись, впуская на территорию несколько сот исхудавших мужиков с номерами на спине.

Старожилы, обступив локалку, громко выкрикивали:

– Хлопцы, из Минска кто е?

– Есть!

– Мужики, из Казани есть кто?

– Пятеро!

– Из Костромы?

– Из Рязани?

- Есть ли на зоне кто из Вологды? – спрашивали в ответ. – Отзовитесь, земляки!
- Да тут нас всех понемногу, считай, всю Россию сюда согнали!
- Давно ли с воли? Что нового в миру делается? Англичане, говорят, на нас скоро полезут!
- А нам-то что переживать, до Сибири все равно не дойдут...

Прибытие нового этапа всегда считается праздником. Среди новеньких можно не только разжиться заныканным табачком, но и услышать, что творится на воле, где просыпаются не от лая караульных собак, а от поцелуя жен и любовниц и слушают не матерную брань озверевших вертухаев, а надтреснутый голос Леонида Утесова из репродуктора или патефона.

Старожилы зоны даже события полугодовой давности воспринимали как свежую новость и не без интереса спрашивали о здоровье товарища Максима Горького. Уже после трехдневного пребывания в зоне Тимофей успел понять, что Иосиф Виссарионович не пользуется у эков особой любовью, они называли его грубовато-слащаво – Гуталинчиком. Однако это не мешало им колотить на левой стороне груди усатый профиль. Каждый наивно полагал, что ни у одного из сотрудников НКВД не поднимется рука пустить пулю в суровый лик вождя.

Новоприбывший этап месяц держали в карантинном бараке, и переговорить с земляками можно было через широкий проход, огороженный с двух сторон колючей проволокой.

Начальником зоны был кругленький коротышка с огромной лысиной. Поговаривали, что по образованию он филолог и долгое время работал в Институте языка и литературы, однако сейчас никто не смог бы представить его над раскрытой книгой в тиши университетской библиотеки. Звали начальника зоны Николаем Николаевичем Леватым, однако эки за крупную лысую голову окрестили его Шаром. Он носил мешковатую, часто испачканную углем гимнастерку, которая выглядела на нем естественнее любого другого наряда. Собственно, в другой одежде его никогда не видели. Казалось, он родился для того, чтобы в Заполярье гнуть в бараний рог строптивую русскую волю. А выражался он на «блатной музыке» так изысканно, что его умению завидовали даже матерые уркаганы. Меткие словечки начальника зоны гуляли по всему лагерю, а потом передавались в соседние лагеря, где мгновенно подхватывались, и уже через год пущенное Леватым словцо становилось всеобщим достоянием.

Было известно, что Леватый с начала двадцатых годов служил в НКВД и рос по службе стремительно, словно тесто, замешанное на добрых дрожжах. Но его сгубила свойственная многим мужикам слабость – женщины. Начальник управления, бывший комкор Южного фронта, застал его как-то в самый неподходящий момент, когда он задрал на его секретарше юбку и, спустив штаны до колен, уже приготовился к совокуплению. Подобная шалость сошла бы ему с рук, если бы он вздумал поиграть в эти игры с любой обычной бабенкой из женского персонала управления. Беда заключалась в том, что сам начальник давно обхаживал эту хорошенькую секретаршу, и многие в управлении даже поговаривали, что он весело проводит с ней время на стоящем в его кабинете широком кожаном диване.

После этого случая суровый комкор запихнул Николая Николаевича в такую глушь, что добраться к нему нельзя было ни на каком виде транспорта, кроме упряжки выносливых оленей.

Пробыв пару месяцев в заполярной глуши, бывший специалист по корневым гласным в существительных переориентировал свою сексуальную направленность на педерастов, которых в лагере называли «телками». И поскольку он был мужиком легко возбуждающимся, то скоро в его лагере среди «телок» не осталось ни одного, кого он не удостоил бы горячего свидания и не угостил затем дешевенькой карамелькой. Последнее Леватый делал всегда принародно: на вечерней поверке выстраивал в шеренгу эков и, приложив к губам медный рупор, орал:

– Заключение Антонов, подойти ко мне!

Когда осужденный выходил из строя, он совал ему в ладонь леденец и объявлял:

– Сегодня ты доставил мне маленькую радость, возьми себе за труды гостинец.

Отказаться от свидания и публичного подарка отваживался не всякий пидор, но если такое случалось, то дерзкого смутьяна непременно запирали в БУР и держали на промерзшем грунте без питья и еды до тех пор, пока он наконец не осознавал всю важность оказанной ему чести и не изъявлял желаниа уединиться на часок с начальником лагеря.

Николай Николаевич частенько бывал пьян и, несмотря на лютый холод, без конца потел, напоминая округлый бочонок, доски которого разошлись и из щелей сочится вино. Привлеченная запахом пота, над его головой, образуя подобие нимба, постоянно вилясь мошкара. Чтобы отвадить ее, Леватый не брезговал мазать лицо болотной жижей и частенько расхаживал по лагерю с перемазанной физиономией.

Ээки боялись его. Дважды они пытались завалить своего мучителя штабелями бревен, когда он проходил мимо лесного склада, но оба раза провидение спасало его. В первый раз он в последнюю секунду сумел прыгнуть в яму, и огромный, в полтора обхвата ствол только расцарапал ему щеку; во второй – он чудом уцелел, увернувшись от целой пирамиды бревен, обрушенной ээками на то место, где секунду назад стоял их начальник.

В обоих случаях Леватый безошибочно угадал зачинщиков. Казнь была страшной: Шар повелел раздеть ээков донага, а потом выставил за ворота лагеря, на прощание напутствовав их:

– Вижу, что вам не нравится наша социалистическая коммуна. А жаль... Живите тогда как хотите, ступайте себе с миром. Вот вам бог, а вот – порог.

Ясно было, что раздетые и разутые ээки не сумеют протянуть в тундре и суток. И действительно, когда по их следам через сутки отправился караул, то в пятнадцати километрах от лагеря нашли их трупы – тучи гнуса устроили пиршество на их голых телах.

Через восемь дней после прибытия в лагерь нового этапа Леватый вызвал к себе Тимофея Беспалого.

Квартира, где располагался хозяин зоны, была уютной и чистой: на окнах кружевные занавески, на полу мягкие ковры. Невозможно было поверить, что в нескольких шагах отсюда течет иная жизнь, которая скорее напоминает круги ада, нежели человеческое существование.

Постучавшись и получив разрешение войти, Тимофей открыл дверь комнаты и неловко застыл на пороге, опасаясь запачкать грязными подошвами вымытые до блеска полы. А когда Леватый дружелюбно поманил его рукой, он долго и тщательно вытирал ноги о грубую щетку для обуви, закрепленную перед дверью, и лишь убедившись, что башмаки более-менее очистились, решил шагнуть в комнату к куму.

Хозяин сидел на краю кровати. Из-под цветастого покрывала выглядывала белоснежная простыня.

– Веселовский мне о тебе все рассказал. – Леватый впечатал тяжелый взгляд в исхудавшее лицо Тимофея. – Так это правда, что ты собак голыми руками передушил? – не скрыл он интереса.

– Нет, неправда, – покачал головой Тимофей. – Штыком и прикладом.

Он закатал правый рукав и показал затянувшиеся рваные раны на предплечье.

– Вижу, вижу. Значит, ты отчаянный парень. И хорошо, что не врешь. Вот что я тебе хочу сказать: в последнее время у меня с вашим братом получается все очень не просто. Народ в лагере собрался самый непредсказуемый. Имеются такие, которые бегали по пять-шесть раз и никак не могут остановиться на достигнутом. Впрочем, у нас тут далеко не убежишь, летом болота непроходимые, а зимой холод лютый, так что скорее сдохнешь, чем куда-либо выберешься. Поэтому побегов я не опасаясь. Если пожелает кто, так я перед смельчаком могу и ворота пошире распахнуть. Много их, таких вот безымянных, по тундре валяется. А к тебе у меня вот какой разговор будет... Я тебе готов помочь стать старшим среди ээков. Ты будешь присматривать за ними. Я тебе дам ряд привилегий: позволю то, что не положено другим. Твоя же задача – не дать повториться той беде, что произошла здесь три года назад. Слышал что-нибудь об этом?

– Кое-что слышал. Братки захватили на зоне власть, перебили всю охрану, а потом решили освободить соседние зоны.

– Верно. Об этом тебе Веселовский рассказал?

– Да.

– Ну что же, видно, из этого уже не сделаешь тайны, – глубокомысленно вздохнул Леватый.

– Это точно. Все северные зоны только об этом и говорят... – подтвердил Тимофей.

– Ладно, Беспалый. Давай так: подберешь себе команду из лагерников и с ее помощью начнешь устанавливать свои новые порядки. А я тебе в этом помогу. Для меня самое главное, чтобы мы с тобой добились того, что нужно. Чтобы порядок был таким, какой нам нужен. Ты меня понял?

– Как не понять, товарищ начальник!

– Водки хочешь? – почти дружески поинтересовался Леватый.

– Не откажусь.

Леватый молча достал граненый графин и щедро налил вору водки в большую металлическую кружку.

– Можешь считать, что это твой первый аванс за верную службу. – Барин протянул вору кружку, наполненную до самых краев.

Тимофей размышлял несколько мгновений. Начальник лагеря не поставил кружку с водкой на стол, а именно протянул, рассчитывая, что вор возьмет ее из рук хозяина. Если подобное случалось на людях, то соблазненный зэк непременно попадал к барину в зависимость. Словно угадав мысли Тимофея, начальник лагеря, демонстрируя уважение к зэковским принципам, поставил кружку на край стола и слегка улыбнулся, приглашая Беспалого взять водку как равного собутыльника.

– Понимаю, пей!

Беспалый вспомнил, что последний раз он пил водку пару месяцев назад в обществе Германа Веселовского. Тимоха не без ехидства подумал о том, что может привыкнуть к необычному обхождению и станет воспринимать пожалованный стакан как хозяйскую пайку.

– Ну-у, с богом! – приподнял он кружку.

Оттопырив слегка нижнюю губу, он приложился к кружке и выпил водку в три глотка.

* * *

Веселовский не ошибся, выбрав из огромного количества зэков именно этого паренька по кличке Удача. Тимофей пользовался авторитетом среди воров и хоть сам был небольшого роста, но обладал недюжинной силой, которую вскоре пришлось почувствовать на себе многим. В биографии Тимофея имелась еще одна деталь, которая привлекла Веселовского: Тимоха вышел из среды беспризорников, а это была отменная школа, которую ценили даже самые закоренелые блатные. Беспризорники обладали редким качеством – умением не забывать друзей детства. Их сообщество напоминало бережно хранимое братство.

В первую же неделю своего пребывания на зоне Тимофей собрал вокруг себя всех бывших московских беспризорников, которых набралось в лагере около двадцати человек. Каждый из них знал Тимоху как заслуженного вора. Еще больше его авторитет поднимало то, что он был приговорен к расстрелу и не допустил до себя поганых чекистов. Его уважали еще и за то, что вся его жизнь прошла на глазах братвы. Однако даже все эти обстоятельства не помешали бывшим беспризорникам встретить его предложение с некоторым скепсисом.

– Ты что, Тимоша, из нас сук хочешь сделать? Мы уже начинаем сомневаться в том, что когда-то беспризорничали с тобой в Замоскворечье, – хмуро пробасил молодой вор по кличке Дунай. Этот парень был родом из Бессарабии и до двенадцати лет прожил в цыганском таборе,

пока однажды не оказался в Москве и не прибил к группе беспризорников, где верховодили Мулла с Тимохой.

– Можешь не сомневаться, Дунай, я – тот самый Тимоха и ничуть не изменился с тех пор, как мы шмонали по карманам московских фраеров. Только я хочу сказать тебе, что если мы примем предложение Леватого, то сумеем помогать своей же братве. Кто сейчас на зоне пахан? Плешивый Макар? Так он у нас в запое ходить станет! Когда это было, чтобы беспризорники гнули шеи перед разной шушерой? То он в матросах служил, то анархистом сделался, а то вдруг решил в меньшевики податься... И всюду свои порядки устанавливает. А на зонах должен быть один закон – наш, блатной!

– Это ты верно подметил, Тимоша, – поддержал Беспалого Аркан. – Кому как не нам, шантрапе и беспризорникам, пристало блюсти закон? С этими политическими в лагерях стало много мути. А вообще, хочу тебе заметить, Тимоша, закон – это понятие неизменное, он не бывает ни белым, ни красным, закон – он один для всех, и его надо блюсти свято. А в лагерях это важно особенно. Спросите урок, как они сидели на царской каторге? Даже самый махровый уркаган подчинялся решению схода! Постреляли чекисты уркаганов, на которых держалась воровская правда, а пришлые решили по-новому управлять. К чему это я говорю, братцы, мы должны возобновить старые традиции и собрать сходняк, что установит законы для всех здешних лагерей.

– Ты меня правильно понял, Аркан. – Губы Беспалого растянулись в довольной улыбке. – Ну, так что скажете?

– Если это на пользу братве, так чего же отказываться, – подали голос зэки из дальних углов барака. – Мы согласны, только ты скажи, что дальше делать?

– Мне стало известно, – важно сказал Беспалый, – что этот лагерь расформируют через несколько лет, а нас распределят по другим лагерям. Вот тогда наш закон разойдется по всем зонам.

– Верно. Так и будет, Тиша! – загалдели зэки.

– Мы с тобой, Тимоша! Пора кончать с произволом! Хватит сукам командовать блатарями!

– Повырежем всех сук!

Уже на следующий день Макар Плешивый был смещен со своего трона – полсотни зэков, вооруженных заточками, ворвались в барак, где размещался бывший анархист и меньшевик со своими корешами. Блатари резали всякого, кто становился на их пути. Макару затащили на горле тонкий шнур и, уже полузадушенного, таскали по баракам, показывая всей зоне, что от прежнего величия главаря остались лишь ошметки. Потом Плешивого опустили всем хором. Двенадцать человек бывшей матросни, составлявших ближайшее окружение Макара, были опомоены в сортире – их по очереди сунули харями в очко. По лагерным меркам, падать ниже было просто невозможно, и каждый уважающий себя зэк обязан был зажать пальцами нос, когда обесчещенные проходили мимо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.